18+

Людмила Смильская

Документальные повести

Людмила Смильская

Документальные повести

«Издательские решения»

Смильская Л.

Документальные повести / Л. Смильская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967036-6

В книгу вошли две документальные повести: «Дом с Маленьким принцем в окне» об удивительном человеке, знаменитом французском писателе и лётчике Антуане де Сент-Экзюпери и «По дороге к солнцу» о пути выхода из душевного кризиса после расставания с любимым человеком, находящемся в алкогольной зависимости.В книгу также вошёл очерк об известном российском певце, обладателе красивейшего баритона, Петре Захарове, о его победе в вокальном конкурсе «Голос».

ISBN 978-5-44-967036-6

© Смильская Л.
© Издательские решения

Содержание

ДОМ С МАЛЕНЬКИМ ПРИНЦЕМ В ОКНЕ 7
Предисловие 7
ГЛАВА 1. ФРАНЦИЯ 8
Москва! А где же революция? 8
Против глупости бессильны сами боги 5 10
Лопушиный, ромашный… 11
ГЛАВА 2. СИМВОЛЫ ПАРИЖА 13
Попытка объять необъятное 13
Приветливые да ласковые 17
Утро, разбуди солнце, коснись нежным лучом… 21
ГЛАВА 3. ИВОННА 25
Дорога в Лион 25
Говорите по-русски! 26
Сен-Морис де Реман 27
ГЛАВА 4. ДОМ МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА 30
Невольно крупные слёзы навернулись на мои глаза 30
Это очень французская история 32
Коротка человеческая жизнь 33
ГЛАВА 5. ЛИОН, ПАМЯТНИК СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ 39
На площади Белькур 39
Памятник-Фонтан 41
ГЛАВА 6. ЛЁТЧИК, ПИСАТЕЛЬ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ 45
Лёгкое и доступное – бесплодно 45
Он опередил своё время 46
Этот человек был неогранённым алмазом 48
ГЛАВА 7. ГРАФЫ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ 50
Вдова в 29 лет 50
Ожог – от музыки, от картины или от любви 52
Во Фрибуре. Смерть брата 54
ГЛАВА 8. ПАРИЖ, АРМИЯ 56
И чистка картошки, и строевые занятия 56
Уроки пилотирования 56
ГЛАВА 9. ЛУИЗА 58
Мне-то крышка. Но не падать же на праздничную толпу 58
Это слишком глубоко во мне… 59
ГЛАВА 10. ВАШ СЫН ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВ, ОН НАШЁЛ СВОЕ ПРИЗВАНИЕ 61
В Каб-Джуби 61
Арабы начинают меня признавать 62
Пилот редкой смелости 63
ГЛАВА 11. ПАТАГОНСКАЯ АВИАЛИНИЯ 65
В Аргентине 65
Юг здесь – это холодный край 66
ГЛАВА 12. ЕЙ-БОГУ, Я ТАКОЕ СУМЕЛ, ЧТО НИ ОДНОЙ СКОТИНЕ НЕ ПОД СИЛУ 67
Почта – дороже, чем жизнь 67

Какое совершенное одиночество в пустыне! 68
Ну и пляска! 69
ГЛАВА 13. ДЕЙСТВИЕ СПАСАЕТ ОТ СМЕРТИ 71
В 1935 году я летел в Индокитай 71
Он… не утратил ни на йоту живости ума 72
Мне нельзя обращать внимание на этот утробный страх 73
ГЛАВА 14. ВТОРАЯ МИРОВАЯ 75
В мире, где воцарился бы Гитлер, для меня нет места 75
Странная война 75
Это какой-то тяжёлый сон 77
Историки забудут реальные события 78
«Честные» условия перемирия 79
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Документальные повести
Людмила Смильская

© Людмила Смильская, 2021
ISBN 978-5-4496-7036-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОМ С МАЛЕНЬКИМ ПРИНЦЕМ В ОКНЕ
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Главное – чтобы где-то сохранялось всё, чем ты жил прежде.
И обычаи, и семейные праздники. И дом, полный воспоминаний.
Антуан де Сент-Экзюпери, «Письмо заложнику», 1943

Предисловие

В августе 2015 года судьба подарила мне случай побывать во Франции. Первое, что пришло на ум, когда я узнала о предстоящей поездке – это родина Антуана де Сент-Экзюпери. Меня наполнило радостное волнение перед возможностью увидеть места, дорогие его сердцу.

Я во что бы то ни стало должна была разыскать старинную усадьбу в Сен-Морис де Реман, о которой так тепло вспоминал Сент-Экзюпери: «Был где-то парк, густо заросший темными елями и липами, и старый дом, дорогой моему сердцу… память моя полна его запахами, прохладой его прихожих, голосами, что звучали в его стенах». Воспоминания об этом доме и детстве, проведённом в нём, на протяжении всей жизни наполняли сердце Антуана теплом и нежной грустью.

Старинный усадебный дом, о котором идёт речь, и поныне стоит в предместье Лиона, в коммуне (так называют во Франции низшую административно-территориальную единицу) Сен-Морис де Реман. Площадь коммуны составляет всего 10,35 квадратных километров. В ней проживает 735 жителей. «Взрослые очень любят цифры», – сказал бы сейчас Маленький принц.

Побывав в местах, дорогих сердцу Сент-Экзюпери, куда он не раз возвращался с волнением, будучи уже взрослым, я приблизилась к образу писателя, прониклась его жизнью. Травля писателя, его таинственное исчезновение, нелицеприятные статьи о нём в интернете заставили меня писать о Сент-Экзюпери, обратившись к документам, воспоминаниям друзей и близких этого замечательного человека.

ГЛАВА 1. ФРАНЦИЯ

Москва! А где же революция?

Под крылом самолёта обозначилась Франция. Приземляемся в аэропорту Орли. Выхожу вместе с пассажирами из самолёта, пересаживаюсь в автобус. Он везёт нас с лётного поля к зданию аэровокзала, а мне не верится, что я – во Франции, радостно!

Пробираясь в толчее пассажиров, я невзначай наступила на пятку тучной, смуглой женщине, толкающей впереди себя тележку, заваленную багажом, и создающей помеху в людском потоке. От неожиданной боли она резко обернулась, взметнула на меня сердитые чёрные глаза и кинула в мою сторону что-то грубое по-французски.

У меня было отличное настроение, и мне стало жаль её. С выражением искреннего сочувствия и сожаления я сказала: «Madame, mille excuses!» (Мадам, тысяча извинений!), на что она, быстро обмякнув, растянула свои полные, в ярко-красной помаде губы в доброй улыбке.

Я прошла в зал ожидания, села в кресло и решила немного оглядеться. В зале стоял разноязыкий галдёж, из которого моё ухо улавливало мелодичную, гортанную французскую речь.

Мне вспомнилось, что Антуан де Сент-Экзюпери ездил весной 1935 года в Москву в качестве корреспондента газеты «Пари-суар» с целью осветить жизнь советских людей, их быт, настрой (приближался праздник 1 Мая). Он пробыл там три недели, с 25 апреля по 17 мая – чудесная пора, когда Москва утопает в цветущей сирени и тюльпанах. Антуан имел представление о русской земле. В его репортаже «Москва! А где же революция?», он передаёт своё первое впечатление о СССР: «Поезд мягко замедляет ход у платформы… Мы в России: Негорелое. Что за предубеждение настроило меня на мысль о разрухе? [1]

В помещении таможни можно устраивать празднества. Просторное, проветриваемое, с позолотой. <…> Действительность обманывает мои ожидания, и я становлюсь подозрительным. Все это устроено для иностранцев. Да, вполне возможно. Но таможня в Белгороде тоже для иностранцев, а там она похожа на складской двор. <…> Передо мной страна, о которой если говорят, то говорят с пристрастием, о которой из-за пристрастий мы не знаем почти ничего, хотя Советский Союз совсем недалеко от нас. Мы куда лучше знаем Китай… Мы никогда не спорим из-за Китая. Но если мы обсуждаем Советский Союз, мы обязательно впадаем в крайности – восхищаемся или негодуем. <…>

Жорж Кессель встретил меня на вокзале, подозвал носильщика, и воображаемый мир лишился еще одного призрака – носильщик самый обыкновенный, как везде. Он уложил мои чемоданы в такси, а я, прежде чем сесть, огляделся вокруг. Увидел просторную площадь, по гладкому асфальту катят, рыча, грузовики. Увидел цепочку трамваев, как в Марселе… <… > С детским простодушием я искал революционности в носильщике, в устройстве витрины. Хватило двухчасовой прогулки, чтобы избавить меня от иллюзий. Не стоило искать революции там, где искал ее я. <…> На собственных просчетах я вижу, как постарались исказить предпринятый русскими эксперимент». [2]

---

[1] Негорелое – первая пограничная железнодорожная станция первого в мире социалистического государства. В 1921—1939 гг. она стала воротами в страны Западной Европы и Америки. Здесь останавливались многие известные русские и зарубежные деятели искусства и культуры.

[2] Жорж Кессель, брат известного писателя Жозефа Кесселя, находился уже три месяца, до приезда Сент-Экзюпери, в Москве. Писал статьи для парижского еженедельника «Мэрианн».

Сент-Экзюпери восторженно писал в своём очерке о советском самолёте—гиганте «Максим Горький». Ему посчастливилось участвовать в прогулочном полёте над Москвой на этом уникальном самолёте, за день до его катастрофы.

Во время полёта Антуан осмотрел его одиннадцать основных отсеков. «Самолет потрясал своей величиной – помещения располагались не только внутри фюзеляжа, но и в крыльях. Я осмелился войти в коридор левого крыла и стал открывать одну за другой двери, выходящие в него. За дверями открывались комнатки, потом помещения для моторов, каждый мотор был изолирован от других. Меня догнал инженер и показал электростанцию. Электростанция снабжала током не только радиотелефон, громкоговоритель и взлетное устройство, но еще и восемьдесят осветительных точек, общей мощностью двенадцать тысяч ватт. [3]

Я осматривал самолет уже четверть часа, погрузившись в его нутро, словно в трюм миноносца, и мне все время светил электрический свет. <…> Навстречу мне попались телефонисты, я заметил, что есть помещения с кроватями, видел механиков в синих брезентовых костюмах. Но больше всего я изумился, когда обнаружил небольшой кабинет и в нем юную машинистку, которая печатала на машинке… <…>

Назавтра самолета «Максим Горький» не стало. Его гибель переживается здесь как общенародное горе. Советский Союз потерял не только выдающегося пилота Журова и десять членов его экипажа, не только тридцать пять пассажиров, работников конструкторского бюро ЦАГИ, для которых полёт был наградой за отличную работу, Советский Союз потерял великолепное подтверждение жизненности его юной индустрии». [4]

Самолёт «Максим Горький» над Красной площадью

[3] Площадь помещений самолёта составляла 100 кв. м, длина самолёта – 33 м, высота – более 11 м, мощность – 900 лошадиных сил. При необходимости его можно было переделать в военный самолёт, оснащённый шкасами (скорострельными, синхронными авиационными пулемётами).

[4] Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н. Е. Жуковского

Против глупости бессильны сами боги [5]

И при каких обстоятельствах погиб самолёт-гигант – гордость советского авиастроения, да ещё с пассажирами на борту! ТАСС сообщило: «18 мая 1935 года в 12 часов 45 минут в городе Москве, в районе Центрального аэродрома произошла катастрофа с самолетом «Максим Горький…». В роковом прогулочном полёте над Москвой оказались лучшие инженеры и передовые рабочие ЦАГИ, строившие этот самолёт, их жёны и дети. За штурвалом – опытный пилот ЦАГИ, лётчик-испытатель Николай Журов, второй пилот – заслуженный лётчик Иван Михеев.

В этом полёте задумали сделать рекламную видеосъёмку с летящими рядом самолётами: маленьким, одноместным истребителем И-5 и самолётом-гигантом, подчеркнув этим огромные размеры «Максима Горького». Истребитель И-5 полетел справа от гиганта, им управлял Николай Благин, ведущий летчик-испытатель ЦАГИ, воздушный ас. Съёмку вёл кинооператор из третьего, двухместного самолёта Р-5, летящего слева от гиганта. Кто дал указание Благину выполнить фигуры высшего пилотажа вокруг самолёта «Максим Горький» неизвестно и по сей день.

Благин блестяще сделал первую «мёртвую петлю» вокруг гиганта, а затем, при попытке повторить «петлю», он врезался в его правое крыло, пробив в нём маслобаки. Самолёт «Максим Горький», накренившись вправо, пролетел ещё несколько секунд и начал разваливаться в воздухе на части, а затем, перевернувшись на спину, стал падать.

В трагедии обвинили Николая Благина, назвав его поведение «озорством». «Этим были выведены из-под удара всевозможные „наземные“ чиновники, скорее всего, дававшие устное

[5] Слова Фридриха Шиллера из драмы «Орлеанская дева».

указание летчику „поэффектнее“ показать гигант для киносъемки. Позже утверждали, что сам Благин накануне рокового полета даже просил освободить его от такого задания». [6]

Да и стал ли бы рисковать Благин по личной инициативе жизнями своих сослуживцев и их семей?! Подобное самовольство каралось суровым наказанием. Кроме того, у самого Благина тоже была семья: жена и дочь. Его товарищи по эскадрилье уверяли, что Николай был дисциплинированным, ответственным, исполнительным лётчиком, далёким от ухарства.

Много тёмных пятен в деле. Ведь если он один виноват во всём, то почему во время похорон его урну с прахом ставят между урнами Журова и Михеева, хоронят с остальными жертвами на Новодевичьем кладбище? Почему его жене, после происшедшего, предоставляют новую квартиру, дочь переводят в новую школу, назначают пенсии по утере кормильца: жене, дочери и одному из его родителей? С чего бы?! Разве так поступали у нас с озорниками и хулиганами, ставшими виновниками множества жертв и серьёзных разрушений?

Но в любом случае, кто бы ни был виноват в происшедшем, даже у неспециалистов возникает вопрос: как можно было вообще допустить какие бы то ни было трюки в непосредственной близости с самолётом, наполненным пассажирами?! А тут – «мёртвая петля» вокруг движущегося объекта – одна из самых сложных, смертельно опасных фигур высшего пилотажа. Благин, как опытный лётчик, не мог не понимать масштаба риска. …Его запаздывание с моментом начала входа во вторую петлю составило всего менее секунды (!), что и привело к трагедии. [7]

Со временем какие-то документы были рассекречены, но в деле так и осталось много неясностей. Жизни замечательных людей, их детей, огромный труд и огромные средства, затраченные на создание уникального самолёта – всё оказалось поставлено на карту чьих-то амбиций, чьей-то дурости. Все, кроме кинооператора и лётчика, летевших на самолёте Р-5, погибли, в том числе жители разрушенных домов в посёлке «Сокол», расположенном рядом с аэродромом. От прекрасного самолёта осталась груда обломков. «Против глупости бессильны сами боги».

Лопушиный, ромашный…

Два дня живу в предместье Парижа, в небольшом городке Малакофф. Назван он в честь маршала Жан-Жака Пелисье, завоевавшего в Крымскую войну 1855 года Малахов курган под Севастополем. После чего Жан Жак Пелисье изменил свою фамилию и стал зваться герцогом де Малакофф.

Малакофф – уютный, чистый городок с узкими улочками, вдоль которых через каждые 10 – 12 метров, на специальных стойках закреплены разноцветные металлические ящики, а из них – целые облака сытых, ухоженных цветов: львиный зев, разноцветная петунья, ярко-голубая лобелия. Вдоль улиц часто встречается цветущий розовый олеандр и стройные деревья магнолии с плотными, блестящими листьями. Их вид напоминает песню Александра Вертинского «Танго Магнолия»:

В банановo-лимонном Сингапуре, в бури,
Запястьями и кольцами звеня,
Магнолия тропической лазури,
Вы любите меня.

[6] Информация с сайта «Архив Авиапанорамы», автор статьи: А. Дёмин.

[7] Мёртвая петля представляет собой описываемый самолетом замкнутый круг в вертикальной плоскости. Проще описать круг вокруг неподвижного предмета, но вокруг летящего самолёта!..

Пешеходные дорожки чётко обозначены, даже на узких улочках, где установлены маленькие светофоры высотой всего в рост человека. Свежему взгляду здесь хорошо заметна высокая культура водителей и пешеходов, их взаимоуважение.

Жаль, не знала я тогда, читая на схеме 13-й линии Парижского метро название моей станции «Малакофф – Плато-де-Ванв», что следующая станция в сторону Парижа, «Порт-де-Ванв», – это станция маленького городка Ванв. Там на «чудной каштановой улице» имени Жана-Батиста Потена в доме №65, на втором этаже, с июля 1934 года по июль 1938 года жила Марина Ивановна Цветаева. Мне до этого дома было тогда рукой подать, да не знала я!

Из письма Цветаевой Анне Антоновне Тесковой от 24 октября 1934 года: «Мур ходит в школу, Аля пока дома… <…> Мы живем в чудном 200-летнем каменном доме, почти – развалина, но надеюсь, что на наш век хватит! – в чудном месте, на чудной каштановой улице, у меня чу-удная большая комната с двумя окнами и, в одном из них, огромным каштаном, сейчас жёлтым, как вечное солнце. Это – моя главная радость».

Лопушиный, ромашный
Дом – так мало домашний!
С тем особенным взглядом
Душ – тяжелого весу.
Дом, что к городу – задом
Встал, а передом – к лесу.
По-медвежьи – радушен,
По-оленьи – рогат.
Из которого души
Во все очи глядят —
Во все окна! С фронтона —
Вплоть до вросшего в глину —
Что окно – то икона,
Что лицо – то руина…

ГЛАВА 2. СИМВОЛЫ ПАРИЖА

Попытка объять необъятное

Через день должен подъехать мой друг из Ниццы. Он, как и я, россиянин. А пока, знакомлюсь с Парижем, 18 минут по 13-й линии метро и я – на Елисейских полях, знаменитой и самой широкой улице Парижа, историческом проспекте парадов и торжеств, на тех самых Елисейских полях, где проходил парад Победы 26 августа 1944 года. На этой красивой, просторной улице парижане празднуют торжественные моменты своей истории.

Справа от выхода из метро установлен бронзовый шестиметровый Шарль де Голль, принимающий парад 1944 года в честь освобождения Парижа. Генерал запечатлён в своём широком шаге с выправкой военного. На постаменте памятника – его слова: «Париж осквернён, измучен, разбит – но свободен!» Скульптору удалось точно передать неповторимость походки де Голля. Взглянув на памятник, сразу узнаёшь генерала.

Памятник генералу Шарлю де Голлю на Елисейских полях

Иду вдоль аллеи высоких платанов, обрамляющих Елисейские поля, здесь просторно и уютно одновременно. Ухоженные, подстриженные в виде прямоугольных параллелепипедов платаны, посажены здесь давно, в 1724 году, а живут эти деревья тысячу лет. Сейчас они в самом расцвете своей красоты и мощи. Сколько они повидали и увидят ещё на своём веку!

Наконец подъехал мой друг. Следующие пять дней в Париже – это попытка объять необъятное. Непостижимый в своей красоте и величии собор Нотр-Дам де Пари, массивный, при этом зрительно невесомый из-за своего роскошного каменного кружева.

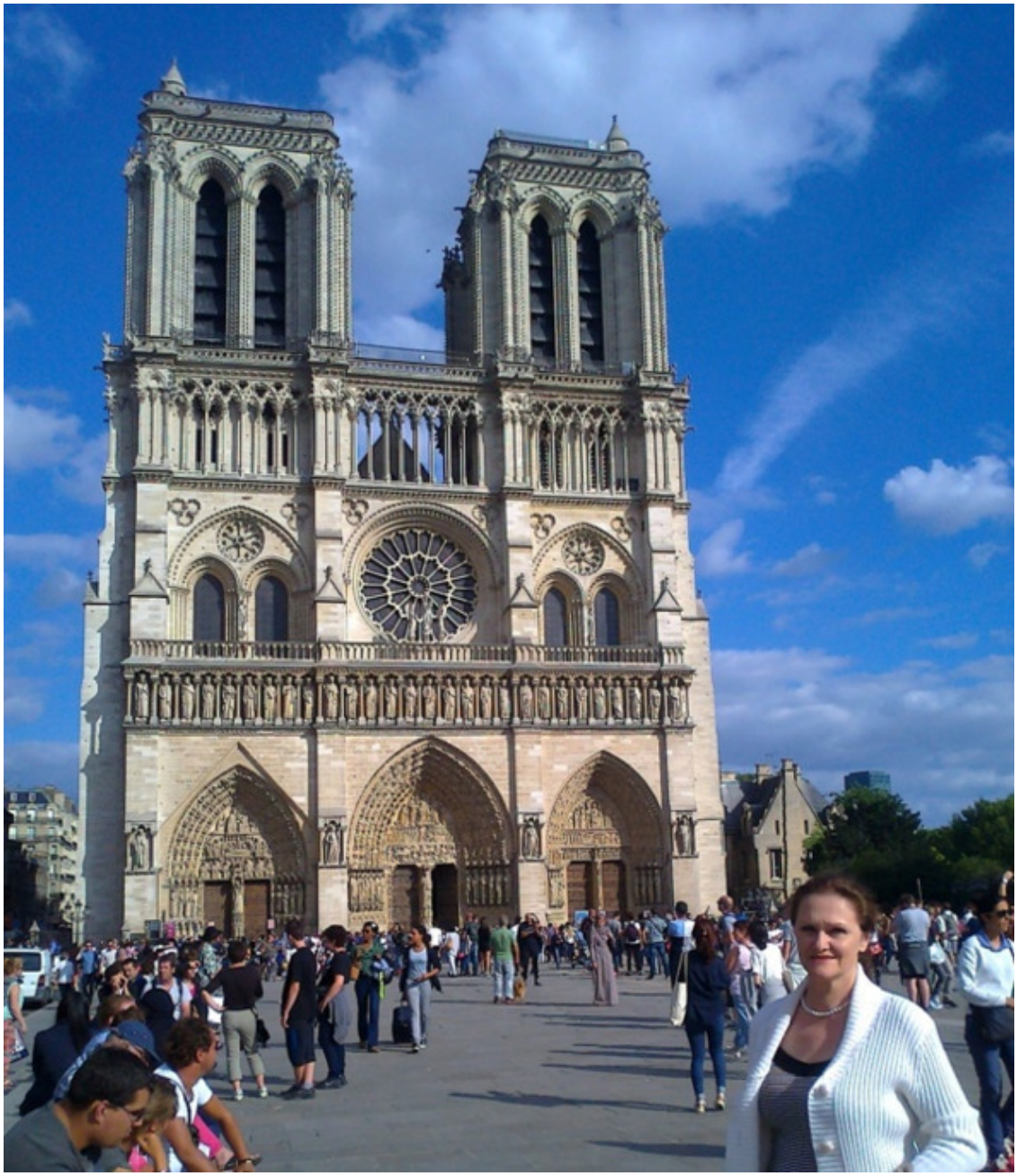
Собор Нотр-Дам де Пари, вид сбоку

Собор Нотр-Дам де Пари

Символ Франции, красавица Эйфелева башня – настоящий шедевр инженерной мысли. Хорошо полюбоваться ею со стороны, особенно вечером, когда она вся в огнях. Знаменитый район Парижа — Монмартр, расположенный на холме высотой 130 метров. Вершину холма венчает белоснежная базилика Сакре-Кёр (Святого Сердца). Многолюдны и уютны улочки Монмартра и площадь Тертр (place du Tertre), заставленная мольбертами и картинами художников. Известно, что продавать свои работы, рисовать портреты с натуры на этой площади позволено только маститым, известным мастерам, тем, кто получил специальное разрешение Союза художников Франции.

У Эйфелевой башни

CHARLES DE GAULLE



Приветливые да ласковые

Невозможно побывать в Париже и не увидеть своими глазами величественный и великолепный дворцовый комплекс Лувр. Король Филипп-Август, отправляясь с королём Львиное Сердце и Фридрихом Барбароссой в третий крестовый поход, опасаясь вторжения врагов, возвёл крепость в наиболее уязвимом месте – на стыке городской стены с рекой Сеной. Мог ли он представить себе, что крепость эта разрастётся в красивейший дворцовый комплекс, которым спустя восемь веков будут любоваться потомки!

Дворцовый комплекс Лувр

В парке Лувра

На территории Лувра

Заглянули мы и на знаменитую площадь Согласия, где когда-то стояла, приводящая в ужас французскую аристократию, гильотина, и где кровь лилась рекой. Здесь обезглавили короля Людовика XVI, королеву Марию-Антуанетту, Робеспьера и других французских дворян.

Сегодня на площади стоит 23-х метровый луксорский обелиск из розового гранита весом 230 тонн, украшенный иероглифами возрастом 3,5 тысячи лет и золотым наконечником – подарок Мухаммеда Али, короля Египта. Обелиск переправляли во Францию более двух лет на грузовом судне и доставили в Париж в 1833 году. [8]

За пять дней мы с другом посетили только самые известные достопримечательности Парижа. За столь короткое время невозможно охватить все исторические места и красоты этого выдающегося города.

Отведали знаменитый французский луковый суп с пикантным ароматом и своеобразным вкусом, обжаренного в сливочном масле, а затем, утушенного в мясном бульоне, лука. Упоминания об этом незатейливом супе встречаются у Александра Дюма и Эмиля Золя.

Луковый суп – своеобразная визитная карточка французских поваров. Казалось бы, как можно удивить блюдом, приготовленным из набора самых простых ингредиентов, но французские кулинары умудряются сделать из него настоящий деликатес, причём у каждого – свои секреты приготовления.

Попробовали мы, изобретённый французами, приятный, слабоалкогольный напиток под названием «кир». Возможно, отсюда пошло расхожее русское слово «кирять», то есть пить кир, распространившееся у нас на распитие и других алкогольных напитков. Французы готовят кир, смешивая ликёр из чёрной смородины с сухим красным или белым вином. Предпочтение отдают белым сухим винам Бургундии. Крепость коктейля не превышает 15 градусов, поэтому подают его как аперитив, перед едой, для усиления аппетита и хорошего пищеварения.

Приветливые французы любезны и учтивы, их воркующий язык ласкает слух, не напрасно французский язык назвали языком дружбы и любви. Везде, даже там, где по российской привычке не ждёшь деликатности: в хлебной лавке, в вагоне поезда, среди прохожих на улице, французы исключительно вежливы.

Они не ломятся, расталкивая окружающих, не смотрят на тебя гневно или с раздражением, как это смешно изображал в кинокомедиях неповторимый французский комик Луи де Фюнес. Все французы, с которыми довелось мне общаться, улыбались, пытались мне помочь, вежливо обслуживали. Наверное, для них по-другому немыслимо. Хотя… приветливые да ласковые, но, как говорится, не буди зверя, — взяли и отрубили голову неугодному им монарху.

[8] Луксор – город в Египте.

Утро, разбуди солнце, коснись нежным лучом…

Недалеко от площади Тертр стоит особняк знаменитой французской певицы Далиды (Иоланды Джильотти), в котором она прожила 25 лет, с 1962-го по 1987 год, когда её не стало. В 25 – 30 метрах от её дома расположена площадь Далиды (Place Dalida) с бронзовым бюстом певицы.

Бюст Далиды

Она – четвёртая женщина в истории Парижа, удостоенная горожанами памятника. Такое же внимание жителей города снискали, кроме Далиды, только три женщины Франции: Жанна д'Арк, Сара Бернар и Эдит Пиаф. Планируя посетить могилу любимой певицы, я и не ведала, что всего в нескольких метрах прошла мимо её дома и её красивого бронзового бюста.

Далида похоронена на кладбище Монмартр, в трёх кварталах от своего дома. Мы с другом спустились от базилики Сакре-Кёр, прошли через площадь Тертр и ещё немного вниз

и влево, в сторону кладбища, но не сразу нашли его, замешкались, пытаясь отыскать обозначение некрополя на карте.

Пока друг изучал карту, я обратилась к проходящей мимо нас женщине с вопросом – как пройти на кладбище Монмартр? Кое-как объяснила ей, что мы из России и хотим попасть на могилу Далиды. Незнакомка, стройная пожилая француженка, к нашему большому удивлению приветливо улыбнулась, развернулась на 180 градусов и выразительным жестом предложила провести нас к входу на кладбище. Оказалось – мы стояли у его каменной стены, довольно высокой, так что не поняли, что находимся через стену от кладбища.

Милая незнакомка, шагая рядом, эмоционально рассказывала нам что-то по-французски о своём прадеде, который почему-то похоронен в Сибири. Возможно, он был одним из 200 тысяч пленных французов в Отечественную войну 1812 года. Из них во Францию вернулись только 30 тысяч. Кто-то погиб, а кто-то принял российское подданство и продолжил военную службу в русской армии, в том числе в Сибирском казачьем войске.

Мы, не владеющие французским языком, мало поняли из её рассказа, но главное дошло до нас: она любит Далиду, тронута нашей любовью к французской певице и дружески настроена к России.

Эта французская женщина проявила большую щедрость души, вернувшись и прошагав полкилометра в противоположную от своего пути сторону. Обогнув стену кладбища, мы втроём подошли к небольшому одноэтажному домику, расположенному на его входе, слева, только тогда женщина вежливо попрощалась с нами. Это, конечно, везение – приехавшим из другой страны встретить такого отзывчивого человека из местных.

Простившись с незнакомкой, мы обратились к карте кладбища, закреплённой на стене домика, но только приблизительно представили себе, в каком направлении идти, так как на карте всё обозначалось только по-французски. Пройдя немного вперёд и поднявшись по ступеням, ведущим влево, мы прошли несколько метров по аллее, вдоль которой высились надгробия могил парижских знаменитостей.

Я вдруг почувствовала, как моя интуиция повела и заторопила меня. Побывать на могиле Далиды я хотела и планировала, ещё находясь дома. Смотрела видео о посещении её могилы россиянами, виртуально подходила сама к её могиле и теперь волновалась ещё сильнее, чем тогда, когда смотрела видео.

Двигаясь по наитию и припоминая общий вид аллеи и могилы, где покоится Далида, я быстро зашагала вперёд, значительно опередив друга и не глядя по сторонам, потом буквально побежала, ведомая шестым чувством и, удивившись самой себе, вдруг слева от себя увидела виртуально знакомую мне могилу.

Памятник певице Далиде

Певица, стройная и красивая, какой была при жизни, запечатлена в белом мраморе в полный рост. Вокруг её фигуры посажены кипарисы и стоит целая поляна живых цветов, срезанных и – в горшках, от поклонников её таланта. Трогательный памятник, исполненный любви к знаменитой певице. Всю меня вдруг наполнил её необыкновенный голос, её «Песня Орфея»: «Утро, разбуди солнце, коснись нежным лучом любви сердца того, кого я жду».

DALIDA

ГЛАВА 3. ИВОННА

Дорога в Лион

На шестой день нашего пребывания во Франции мой друг, наконец, видя моё, с трудом скрываемое нетерпение, великодушно согласился поехать в Лион, где родился Антуан де Сент-Экзюпери. Это оказалось не так близко, от Парижа – почти 500 километров. Но самые дорогие воспоминания писателя из его детства и отрочества связаны с усадьбой в Сен—Морис—де—Реман, что находится в 40 километрах на юго-восток от Лиона. В этот уголок Франции мы и направили свой путь.

Сложно было, не владея французским языком, добираться до места. Нас выручал, недавно пройденный в Англии, курс английского моего друга и несколько выражений по-французски, которые я заготовила дома, в России.

Из Парижа в Лион мы решили отправиться с железнодорожного вокзала, который так и называется – Лионский (Gare de Lyon). Это один из крупнейших и красивейших вокзалов Франции. Его великолепное здание – классический образец архитектуры конца XIX, начала XX века.

Билеты до Лиона купили на скоростной двухэтажный электропоезд TGV (Train à Grande Vitesse) – туда и обратно, в один день. Это удовольствие оказалось недешёвым, 75 евро на одного в один конец. Локомотив проходит расстояние от Парижа до Лиона всего за 2 часа, со средней скоростью 240 – 260 километров в час. Наши места располагались на втором этаже. Большие окна вагона открывали панорамный вид на живописную местность вдоль железнодорожного пути. TGV идёт плавно, его высокая скорость ощущается только на поворотах и то, едва заметно. [9]

За окном пролетали ухоженные французские поля, нарезанные аккуратными наделами, у каждого – свой хозяин, бережно и с максимальной выгодой использующий собственную землю. На французских лугах пасутся белые коровы. Удивительно, но все коровы, которые попадались нам по пути из Парижа в Лион, были исключительно белыми! Непривычно. Только здесь я поняла, что российских коров потому и прозвали бурёнками, что они, в основном, бурой масти; коричневые с красноватым или сероватым отливом, либо пятнистые.

По дороге в Лион

[9] Train à Grande Vitesse (высокоскоростные поезда)

Говорите по-русски!

Два часа в пути прошли незаметно. Вот и Лион – один из самых богатых и красивейших городов Франции и мира, второй по величине после Парижа. Мы прибыли на вокзал Пар-Дьё (Part Dieu) – современное здание архитектуры 80-х годов XX века, выполненное в стекле и камне красновато-коричневого цвета.

Большие оригинальные часы в виде прозрачного стеклянного циферблата с 12 жёлтыми металлическими шарами, вместо цифр, украшают здание вокзала. На часах было 11 утра, когда мы приехали в Лион, а в 20 часов, этого же дня, мы должны были отправиться назад, в Париж. То есть в нашем распоряжении оставалось около девяти часов — не так уж много с учётом предстоящего поиска и посещения усадьбы Сент-Экзюпери в городке Сен-Морис де Реман, под Лионом.

В этот день у меня сильно болело левое колено, натруженное накануне многочасовыми пешеходными прогулками по Парижу. Это мешало полноценному путешествию, но в душе у меня всё ликовало от предвкушения того, что ждёт меня сегодня впереди.

До отъезда во Францию я поинтересовалась в интернете, как добраться из Лиона в Сен-Морис де Реман. Согласно информации, доехать можно было на автобусе или на маршрутном такси.

Мы вышли из здания вокзала, прошли через дорогу на стоянку автобусов, но ни один из них не отправлялся в Сен-Морис-де-Реман. Вернулись на вокзал. Мы видели, как от него отправлялись маршрутки, но – в другом направлении.

Кого бы из прохожих или из вокзального персонала мы ни спрашивали, как проехать в усадьбу Антуана де Сент-Экзюпери, все отправляли нас в аэропорт имени Сент-Экзюпери, в Лионе. Возможно, причина крылась в том, что я неверно, с сильным русским акцентом произносила название городка, и французы не могли понять меня, реагируя единственно на фамилию Saint-Exupery. Но закралось и сомнение: знают ли они вообще о том, что поблизости находится усадьба знаменитого писателя?

Мой друг решил, что надо купить карту Лиона и его пригорода с названиями населённых пунктов. Тогда можно будет предметно объяснить окружающим, что именно мы ищем. Я обострённо чувствовала, как убегает наше время и предложила продолжить поиск методом, как мы его с другом назвали, «человеческого фактора».

Таким образом, мы разделились. Друг нашёл неподалёку, здесь же на вокзале, торговую лавку, где продавали печатную продукцию, и пытался отыскать в ней нужную карту. А я, оглядевшись вокруг, увидела стоявшую неподалёку от меня женщину лет пятидесяти в открытом летнем платье. Подойдя к ней, я горячо, на ломаном французском, стала объяснять свою проблему:

– Bonjour! Je viens de Russie. Aidez-moi, s'il vous plaît! (Здравствуйте! Я – из России. Помогите мне, пожалуйста!) Она искренне и немного снисходительно улыбнулась и обратилась ко мне на чистом русском:

– Говорите по-русски!

От радости я крепко обняла её, потом объяснила, в каком направлении, какой населённый пункт и чей дом мы ищем.

– Я люблю Сент-Экзюпери, – сказала она, – но не знала, что где-то здесь поблизости находится его дом. По дороге на работу и обратно я много раз проезжала стороной Сен-Морис-де-Реман. Рада случаю, хочу увидеть усадьбу Сент-Экзюпери! Давайте вместе поедем туда, я – на машине. Только вам придётся немного подождать меня.

Эту милую женщину зовут Ивонной. Она провожала на вокзале своего 94-летнего, но ещё бодренького отчима, русского по происхождению. Мы поздоровались с ним. Надо было подождать, пока Ивонна посадит отчима на поезд, который через 20 минут отправлялся в Париж.

О таком раскладе я и не мечтала! Мой умный, внимательный друг, заметив наш активный диалог с Ивонной, подошёл и включился в разговор, быстро сориентировался и, предложив помощь Ивонне, взял у неё из рук чемодан её отчима. Мы вчетвером, в тесной вокзальной сутолоке, стали пробираться к поезду на Париж.

Подошли к вагону, посадка уже шла вовсю. Отчим взял свой чемодан, попрощался с Ивонной, с нами и скрылся за дверями вагона. А мы, втроём, пошли на стоянку автомобилей, где Ивонну ждал серебристый джип. Она доверчиво и дружелюбно пригласила нас в машину. Отъезжая от вокзала, Ивонна объяснила, что работает она в Лионе, а живёт в Гренобле, дорога в который проходит немного в стороне от городка Сен-Морис-де-Реман. Ей надо вернуться сегодня домой. Так что по пути она завезёт нас в усадьбу Сент-Экзюпери и заодно сама посмотрит её.

Сен-Морис де Реман

Ивонна – светлый, энергичный и общительный человек. Уверенно управляя автомобилем, она эмоционально рассказывала нам о себе. Родом Ивонна из Армении, русская. Привезли её во Францию 15-летней девочкой. Сейчас она живёт в Гренобле вдвоём со своей матерью, бывшей учительницей русского языка. Ивонна объяснила, что Сент-Экзюпери ещё и потому близок ей, что она заканчивает курсы учебно-полётной подготовки на планерах и очень любит небо.

Ивонна с братом держат ресторан в Лионе, готовят исконно-русские блюда, в том числе борщ, голубцы, блины с мясом, пельмени… Русская кухня очень нравится французам. Чтобы поужинать в ресторане Ивонны, надо сделать заказ, как минимум, за месяц. Каждое утро Ивонна едет на работу из Гренобля в Лион, а вечером возвращается назад, домой. Расстояние между Лионом и Греноблем по трассе – 94 километра.

Мы выехали из Лиона. Пейзаж — по сторонам красивой широкой автострады напомнил мне дорогу, ведущую в небольшой город Текели, мою малую родину в Казахстане. Похожие клёны по обочинам, а вдали – голубеющие горы с белыми вершинами. Снег на них не тает и летом. Но там – отроги Джунгарского Алатау, а здесь — Альпы. Правда, пейзаж был похож только растительностью на обочинах и очертаниями гор вдали. Здесь же удивило высокое каче-

ство многополосной автострады: большая ширина дороги, исключительная ровность покрытия, чёткость линий разметки и аккуратные дорожные ограждения на всём её протяжении.

Ивонна, пользуясь навигатором, через несколько минут свернула налево от основной магистрали и поехала по уютной дороге, по бокам которой густо росли высокие липы, радуя глаз приветливым светло-зеленым коридором листвы.

Наконец мы подъехали к небольшому автомобильному кольцу, возле которого увидели столб с указателями. На одном из указателей было написано «Saint-Maurice-de-Remens» (Сен-Морис де Реман).

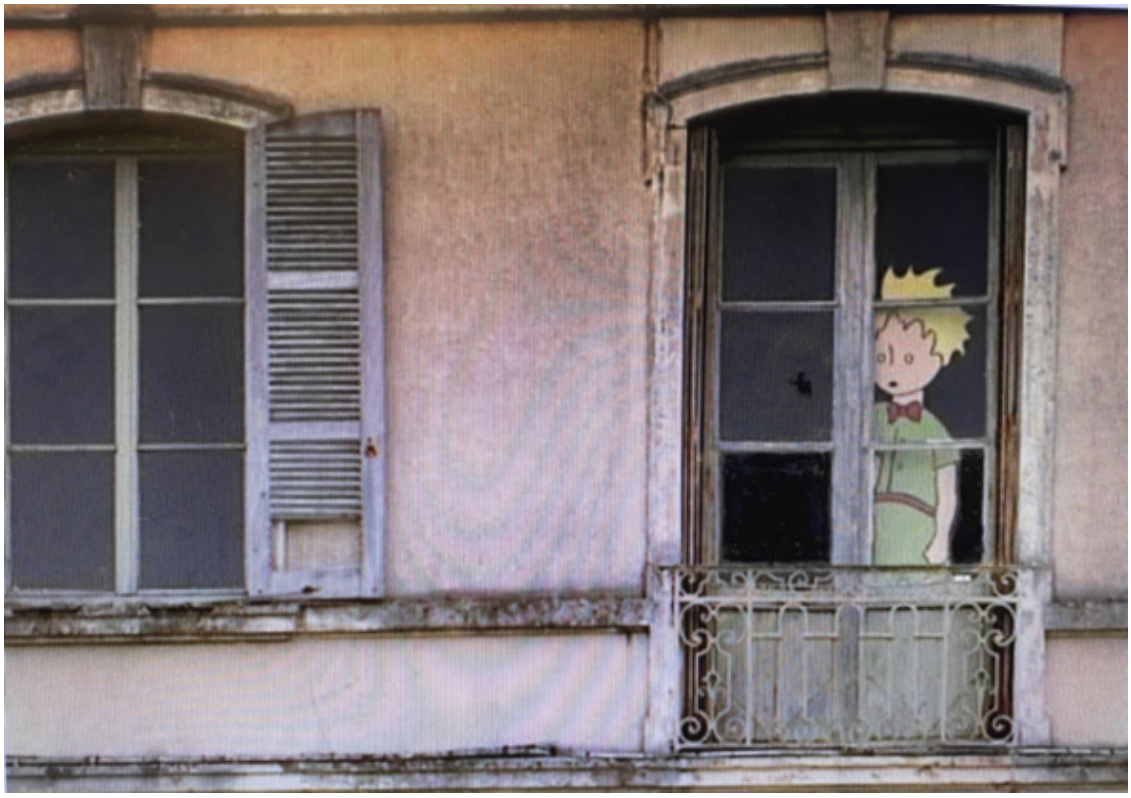
Сильное радостное волнение охватило меня. Ивонна спросила, узнаю ли я дом, который ищу. Ещё бы! Этот трёхэтажный особняк я видела закрытыми глазами, как наяву, ведь столько раз смотрела на него в интернете!

Усадьба в Сен-Морис де Реман, парадный подъезд (много раз я смотрела на этот снимок в интернете задолго до отъезда во Францию)

– Да, — уверенно ответила я.

– Ну, сказала Ивонна, – тогда смотрите внимательно по сторонам. Мы проехали одно, второе, третье строение и вдруг, справа от дороги, я увидела знакомое мне по картинке здание, но не со стороны паркового фасада, как – на картинке, а со стороны двора. Через стеклянную дверь второго этажа на нас смотрел Маленький принц с копной волос пшеничного цвета! Его макет скопировали с рисунка Сент-Экзюпери и установили как маяк для тех, кто, как и мы, ищет этот дом. К горлу у меня подкатил комок.

Макет Маленького принца за стеклянной дверью старинной усадьбы



ГЛАВА 4. ДОМ МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА

Невольно крупные слёзы навернулись на мои глаза

Ивонна остановила машину. Мы вышли, приблизились к воротам высокой металлической ограды, окружающей дом и парк, тот самый, «с тёмными елями и липами», и вдруг я увидела, что ворота изнутри заперты на большой замок. Между металлическими стойками ограды хорошо просматривался внутренний двор с хозяйственными постройками и задний фасад дома. Вид на парк загораживало большое дерево. Оно заслоняло своей пышной кроной правый угол дома и вход в парк.

У ворот усадьбы (вид со двора)

На металлической ограде, слева, висел белый прямоугольник из фанеры, с закреплённым на нём плотным листом бумаги с графиком посещения усадьбы для всех желающих. Оказалось, дом открыт для посетителей с 17 мая 2015 года. (Приедь мы в прошлом году, о его посещении не могло бы идти и речи). Ивонна, глядя на график, пояснила: дни посещений в августе – только два воскресенья, 09 и 23. Мы же приехали в субботу, 15-го августа, потому усадьба оказалась закрытой.

График посещения усадьбы

Невольно крупные слёзы навернулись на мои глаза. Обидное несовпадение, какая досада! Я больше никогда не попаду сюда! А если это каким-то чудом и произойдёт, то всё уже будет, быть может, красивее, но иначе. Наведут блеск и лоск, какие-то фрагменты обстановки изменят из самых лучших побуждений, и что-то важное уйдёт из этого дома навсегда. «Вообразите – в эти стены, столько повидавшие на своем веку, нагрянет со своими святотатственными орудиями артель каменщиков, плотников, краснодеревцев, штукатуров и за одну неделю изменит дом до неузнаваемости, и вот вы – как в гостях. Не останется ни тайн, ни укромных уголков, ни мрачных подвалов, ни одна западня не разверзнется под ногами – не дом, а приемная в мэрии!» – писал в «Планете людей» Сент-Экзюпери.

Ну что тут поделаешь?! Такое случилось несовпадение. Я всматривалась в старинный дом, проникаясь его обликом, стараясь запомнить детали, окружающий пейзаж, запахи Сен-Мориса. От волнения и досады я совсем забыла сфотографировать усадьбу. Спасибо другу! Он, видя моё смятение, сам сделал снимки: меня – возле закрытых ворот, и дома в разных ракурсах, просунув руки с планшетом между железными стойками ворот.

Вид на усадьбу со двора

Parc ouvert
au public
de 10:00 à 18:00
- Dimanche 17 mai
- Dimanche 07 juin
- Dimanche 28 juin
- Dimanche 12 juillet
- Dimanche 26 juillet
- Dimanche 09 août
- Dimanche 23 août
- Dimanche 06 septembre
- Dimanche 20 septembre
http://www.saint-maurice-de-remens.fr/

Это очень французская история

Несмотря на то, что усадьбу открыли для посещения, до музейного вида дому ещё далеко. Он сильно обветшал и требует большого ремонта. В 1932 году мать Антуана Мари де Сент-Экзюпери продала его Лионской мэрии. Через 65 лет, в 1997 году, дом купил приближённый Шарля Мийона, бывшего министра обороны Франции. Но в 2007 году эту сделку аннулировали через суд, и особняк выкупила за 950 тысяч евро администрация коммуны Сен-Морис де Реман. [10]

Совместно с мэрией Лиона мэрия коммуны около 20 лет активно добивалась открытия музея в усадьбе писателя. По словам Оливье Д'Аге, внучатого племянника Антуана де Сент-Экзюпери, «это очень французская история, очень сложная».

Для тех, кому дорог Сент-Экзюпери, усадьба, где он вырос, которую любил, и куда неоднократно приезжал, будучи уже взрослым человеком, представляет большой интерес и большую ценность. «Этим вечером мне вспомнилась холодная прихожая Сен-Мориса. После вечерней трапезы мы усаживались на сундуки и в кожаные кресла, дожидаясь отхода ко сну. <…> В полутьме слышались обрывки фраз – это было таинственно. Так же таинственно, как дебри Африки…

Мы дожидались, пока понесут в гостиную лампы. Их несли, как охапки цветов, и каждая лампа бросала на стены прекрасные тени, похожие на листья пальм… Затем букет света и темных пальмовых листьев запирали в гостиной. Мы уходили спать… Иногда вы пели внизу, уложив нас. До нас пение долетало эхом большого праздника – мне так казалось. Я не помню ничего более доброго и мирного, ничего более дружелюбного, чем маленькая печь в «верхней комнате» в Сен-Морисе. Ничто и никогда так не убеждало меня в полнейшей безопасности мира. Когда я просыпался ночью, она гудела, как шмель, и бросала на стены добрые тени. Не знаю почему, но я сравнивал ее с преданным пуделем. Эта печка оберегала нас ото всех бед. Иногда вы поднимались к нам, открывали дверь и удостоверялись, что мы ограждены от всего теплом». [11]

---

[10] О продаже усадьбы известного писателя и стоимости сделки, 950 тысяч евро, официально сообщила администрация Лиона.

[11] Цитата по книге М. Мижо «Сент Экзюпери», гл. «Откуда я? Из моего детства».

К воспоминаниям о родном доме Сент-Экзюпери обращается в книге «Южный почтовый»: «В десять лет мы находили прибежище на чердаке, под самыми стропилами… Внизу, в просторных залах, болтали гости, танцевали красивые женщины… А мы тут, наверху, видели, как в рассевшиеся швы кровли просачивается синяя ночь».

Вновь и вновь память возвращает Антуана в доброе, защищённое от жизненных невзгод, детство в старинной усадьбе Сен-Мориса: «…Огромный сундук. С семи лет я складываю в него планы моей пятиактной трагедии, письма, фотографии. Всё, что я люблю, о чём думаю и что хотел бы сохранить на память. Время от времени я всё это выкладываю на пол и, лежа на животе, мысленно переживаю прошлое». [12]

А вот, строчки из письма 22-х летнего Антуана к матери в Сен-Морис в период его учёбы на курсах офицеров запаса: «…Мне очень нужно лечение отдыхом в Сен-Морисе и ваше присутствие… Я тоскую сегодня по дому, как мальчишка. Подумать только – вы там ходите и разговариваете, а мы могли бы быть вместе, но я лишен вашей нежности и сам не стал для вас поддержкой… До свидания, мама. Завтра я полечу километров на пятьдесят в вашу сторону, к Сен-Морису, чтобы вообразить, что я, в самом деле, направляюсь домой. Целую вас нежно. Ваш взрослый сын, Антуан».

В другом письме матери 29-летний Сент-Экзюпери пишет из Бреста, где обучается на Высших авиационных курсах морского флота: «Хотелось бы снова побывать в Сен-Морисе, взглянуть на мой старый дом. И на мой сундук».

Центр наследия Сент-Экзюпери под руководством его директора Оливье Д'Аге разработал проект музея, который разместят в этом старинном поместье. Осуществить замысел планируется в партнёрстве с ассоциацией коммуны Сен-Морис де Реман. В неё входит администрация и добровольцы коммуны.

В музее под названием «Дом Маленького принца» откроется постоянная экспозиция, будут организованы выставки и конференции. Но вначале планируется отреставрировать дом, восстановить в нём дух ушедшей эпохи. Детской комнате писателя, столовой и библиотеке задумано вернуть первоначальный вид, каким он был при маленьком Антуане.

Многие владельцы личных коллекций, со всего света, откликнулись на весть о создании музея Сент-Экзюпери во Франции, изъявили желание поделиться своими экспонатами с будущим музеем, кто-то решил полностью подарить свою коллекцию, посвящённую Сент-Экзюпери. Особо ценные экспонаты передадут в музей на временное пользование.

На территории усадьбы предполагается построить гостиницу и ресторан. Планируемая посещаемость музея – 100 тысяч человек в год. [13]

– Мы собираемся отреставрировать поместье и вернуть ему тот вид, который оно имело в ту эпоху, – рассказывает мэр городка, Элиз Масье.

– Восстановим гостиную, библиотеку, спальню и привезем в дом книги, документы, фотографии и вещи, принадлежавшие Сент-Экзюпери.

Коротка человеческая жизнь

Дорога, ведущая от усадьбы вглубь коммуны Сен-Морис-де-Реман, разделялась надвое. Одно ответвление вело прямо, другое – направо, где между домами проглядывался церковный шпиль. Мы с Ивонной поехали по ответвлению, ведущему к церкви, свернули направо, проехали метров сто по узкой улице с двухэтажными домами, со ставнями-жалюзи на окнах, и нам открылась небольшая площадь, она носит имя Антуана де Сент-Экзюпери. На площади

[12] Цитата по книге В. П. Григорьева «Антуан де Сент-Экзюпери», гл. «Путь к профессии».

[13] Для сравнения, в Хаконе (Япония) музей, посвящённый творчеству Сент-Экзюпери, ежегодно принимает до 200 тысяч посетителей.

возвышается маленькая готическая церковь. Та самая, куда на воскресные мессы ходила семья писателя, где играла на фисгармонии и пела в церковном хоре его мать Мари. К нашему сожалению и церковь оказалась закрытой. Мой друг сфотографировал церковь. Я ещё раз оглядела площадь, прилегающие к ней старые двухэтажные дома, покрытые оранжевой черепицей. Пора было возвращаться назад, в Лион.

Церковь на площади Антуана де Сент-Экзюпери

Два часа дня. Как и на чём можно уехать в Лион из этого маленького городка нам было непонятно. На его улицах мы не встретили ни одного прохожего. Быть может, и во Франции есть традиция послеобеденного отдыха, так называемая сиеста, как в Испании, с 12 до 15 часов.

С Ивонной на ступенях церкви

Ивонне пора было ехать домой, в Гренобль. Мы стали прощаться с ней, как вдруг зазвонил её сотовый телефон. В связи с непредвиденными обстоятельствами Ивонну просили срочно вернуться на работу, в лионский ресторан. Она удивлённо улыбнулась и сказала:

– Это Сент-Экзюпери помогает вам, поедемте, я отвезу вас назад, в Лион. Случай и в самом деле удивительный, будто кто-то незримый помогал нам в этой поездке.

Выехав из городка, мы увидели слева от основной дороги неширокий съезд, метров пятьдесят длиной, ведущий к металлическим узорным воротам. Как оказалось, эти ворота открывают вход в усадьбу Сент-Эзюпери со стороны парка. Между деревьями по траве наезжена колея, ведущая к парадному подъезду дома.

Эти ворота тоже оказались на замке, когда мы с Ивонной были возле усадьбы, но сквозь них хорошо просматривались те самые липы и ели, о которых писал Сент-Экзюпери. Правда, парк сильно поредел. На старинной фотографии он выглядит значительно гуще.

Когда Антуану и его брату Франсуа настало время учиться в коллеже, сначала в городе Ле Ман, во Франции, потом в Швейцарии, во Фрибуре, они с радостным нетерпением возвращались сюда после учебного года. Как-то на каникулах Антуан и его друг Шарль Саллес договорились встретиться у Антуана в Сен-Морисе. Шарль приехал в гости к дедушке с бабушкой в имение, которое находилось неподалёку от усадьбы Сент-Экзюпери. [14]

В назначенный день Шарль не приехал, и Антуан написал ему письмо, читая которое зримо представляешь, как он терпеливо ожидал своего друга у этих ворот усадьбы. «Шарль!.. Ты должен был приехать 16-го. К ужину для тебя поставили прибор, твоя комната ждет: с одной стороны молитвенная скамеечка, обитая красным бархатом, который уже изрядно потерт моими коленками, с другой – туалетный столик и на нём – новенький кусок розового мыла…, большущий кувшин горячей воды, его поставили накануне с вечера, чтобы не позабыть. Мы нарвали тебе цветов! Я – жасмина, …отец Бюблан – душистого горошку [а]. Ты мог бы метать диск сто часов подряд – рекорд, невиданный на Олимпийских играх. <…> Ну вот, 16-го, с пяти часов, я сижу у ворот на складном стульчике и жду тебя. <…> Тщетно стараются меня отвлечь, увести, я отвечаю: „Нет, нет, я знаю Шарля, он сдержит слово. Это транспорт подвел“. Каждый раз, как я слышу гудок, я с большим изяществом делаю ручкой. Но напрасно они гудят. Это едешь не ты. И рука моя опускается…». [15]

Эти узорные ворота, расположенные со стороны парка, изображены на старом, пожелтевшем от времени снимке, сделанном в те времена, когда Антуан, его сёстры и брат были ещё детьми. Младший брат Антуана, Франсуа, стоит близко к воротам, одна из его старших сестёр, возможно Симона, взобралась на них и приветственно сняла шляпу, а Тонио поднялся выше всех и гордо стоит на металлическом кружеве ворот. Всё сохранилось: и дом, и ворота, и парковые деревья, а вот их хозяева… Коротка человеческая жизнь.

---

[14] Коллежи во Франции и Швейцарии в XIX – XX вв. занимали промежуточное положение между средними и высшими учебными заведениями. Их выпускники получали бакалавриат.

[15] Цитата по книге «Мой брат Антуан» Симоны де Сент-Экзюпери.

Выше всех – Тонио
Ворота в усадьбу со стороны парка

ГЛАВА 5. ЛИОН, ПАМЯТНИК СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

На площади Белькур

Ивонна довезла нас до площади Белькур в Лионе. Мы тепло простились, и она поехала в ресторан, куда её просили вернуться, и который располагался недалеко от Белькур, за мостом через Сону.

Теперь, когда моя главная задача, хоть и не совсем так, как хотелось, но всё-таки была решена, мы переключились на Лион, где родился Сент-Экзюпери – город с роскошной старинной архитектурой, красивыми набережными и мостами.

Белькур – главная площадь города. Она находится в центре Лиона на небольшом полуострове между реками Сона и Рона. С площади открывается красивый вид на холм Фурвьер. «По воскресеньям, – пишет Антуан, – родные возили меня к мессе в Фурвьер, в собор, высившийся на холме над городом; поднимались туда на фуникулере» [16]

Река Сона, вид на Фурвьер

Центр площади украшает бронзовый памятник внушительных размеров Людовику XIV – «Королю Солнце». Он гордо восседает на грациозном коне. А в юго-западной части Белькур, посреди каштановой аллеи, установлен памятник Антуану де Сент-Экзюпери. [17]

Писатель изображён непринуждённо сидящим на пятиметровой колонне из белого мрамора, со свисающими с колонны ногами, будто сел отдохнуть. Он – в пальто с поднятым воротником и лётном шлеме. Справа, за его спиной, стоит Маленький принц, положив свою детскую руку на его мужское плечо.

Памятник Антуану де Сент-Экзюпери на площади Белькур

Трогательный памятник, простой и выразительный, лишённый всякой помпезности, исполненный любви к писателю. В нём та же естественность, что была присуща Сент-Экзюпери. Замечательно задумал лионский скульптор Кристиан Гийобе: увидеть фигуру Антуана можно только подняв голову, на фоне неба, которое он так любил.

Скульптура напоминает строчки из сказки писателя: «Неподалеку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда и еще издали увидел, что Маленький принц сидит на краю стены, свесив ноги».

Напоминает скульптура и фрагмент из книги Марселя Мижо. Как-то во время вынужденной посадки гидроплана из-за отказа мотора Сент-Экзюпери, по словам его спутника Пьера Годийера, мастерски посадил машину на гладь воды, показав высокий класс пилотажа и «сидя, свесив ноги на верхнем крыле гидросамолета, он предался своим воспоминаниям, то и дело перемешивая их, как обычно, с впечатлениями момента…» Памятник установили на площади Белькур в 2000 году, к столетию со дня рождения писателя.

Улица, пролегающая вдоль южной границы площади, названа именем Антуана де Сент-Экзюпери (Rue Antoine de Saint Exupery). Если пройти несколько метров от памятника писателю до этой улицы и затем проследовать по ней, в сторону реки Соны, до ближайшего перекрёстка, то слева, через дорогу, вы увидите здание под номером восемь – это дом, в котором родился Антуан де Сент-Экзюпери. Над его входом установлена, свидетельствующая об этом, мемориальная доска.

---

[16] Из «Воспоминаний о некоторых книгах» А. де Сент-Экзюпери.

[17] «В семье его называют Король Солнце из-за белокурых волос», – писал Андре Моруа об Антуане.

В нескольких шагах от площади Белькур, в старинном особняке под №1, располагалась когда-то шикарная квартира графини де Трико. Эта квартира представляла собой в ту пору один из самых модных и дорогих салонов Лиона. Зимой дети Сент-Экзюпери гостили здесь.

Памятник-Фонтан

Мы с другом рассмотрели памятники Людовику XIV, Сент-Экзюпери, прошли к дому, в котором родился Антуан, не спеша дошли до набережной Соны, прогулялись по уютным улочкам, прилегающим к площади Белькур, приостановились возле компактного и одновременно роскошного здания Театра Селестинцев (Théâtre des Célestins).

Не на шутку проголодавшись, мы зашли перекусить в кафе под открытым небом – рядом с площадью Якобинцев. Вкус макарон под кислым красным соусом нас с другом не впечатлил.

Любопытно, что к заказанным «макаронам по-французски» щедро подали свежих трав, которые своим видом напоминали, только что сорванную с городских лужаек, зелень.

Большим смешанным пучком лежали на тарелке веточки кервеля, похожего на петрушку, листья базилика и обыкновенного одуванчика. У русских говорят «пресный, как трава». Вот уж поистине. Хотелось приправить зелень, если не оливковым, то подсолнечным маслом, в крайнем случае, полить соком лимона, а вот так, «с лужайки», непривычно было уплетать «пустую» траву.

Зато архитектурное сооружение на площади Якобинцев, которое мы хорошо видели из кафе, поедая траву с макаронами, не оставило нас равнодушными. Это великолепный памятник-фонтан с надписью: «От Лиона тем, кто его создавал». Он запечатлел выдающихся мастеров-горожан Лиона, вложивших свой труд в создание этого богатого, живописного города в разные исторические эпохи.

Памятник-фонтан на площади Якобинцев

У нас с другом оставалось два с половиной часа до отправления поезда на Париж. От площади Якобинцев мы пошли пешком на железнодорожный вокзал Пар Дьё, куда приехали утром. На мосту через Рону задержались. Свежий ветер бил в лицо. Рона, поистине, одна из самых величественных рек Франции. Она берёт своё начало в Альпах, в истоках, которые питают тающие горные ледники, а впадает в Средиземное море, связывая Лион со средиземными странами. Лион на Роне – это крупнейший речной порт Франции. Красива полноводная, широкая Рона в обрамлении ухоженных набережных. На горизонте видны с моста голубые гребни Альп.

Моё сердце замирало от мысли, что над Роной Сент-Экзюпери летал на разведку к немцам. А у него замирало здесь сердце от того, что он пролетал над родными краями, которые давно не видел. После трёх лет эмиграции в Америке, с большим трудом добившись разрешения воевать на скоростных «Лайтнингах» в запредельном для лётчика возрасте, Антуан вылетел из Туниса на боевое задание – съёмку долины Роны, с целью сбора данных о перемещении немецких войск. Он вернулся из полёта через шесть часов, переполняемый радостью от встречи с родными местами.

Рона. На горизонте – Альпы

Сразу за мостом – уютная прогулочная зона со скейт-парком, в котором экстремалы удивляют прохожих своими трюками на скейтбордах. Чем дальше мы удалялись от сердца Лиона, тем заметнее проявлялся переход от роскоши старинного города к безликим современным кварталам. Однотипные многоэтажки, однообразная архитектура 70-х входила в резкий контраст с изысканной красотой и богатством исторического центра Лиона.

Набережная Роны

ГЛАВА 6. ЛЁТЧИК, ПИСАТЕЛЬ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Лёгкое и доступное – бесплодно

В литературном творчестве, как и в любой другой своей работе, Сент-Экзюпери был требовательным к себе: «Мы существуем в наших книгах. Речь о том, чтобы существовать достойно. Вот и всё… Если я натыкаюсь где-нибудь на цитату из своей книги, непременно оказывается, что цитируют именно ту фразу, которую я переписывал 125 раз… не вложить себя в свой труд – это для меня недопустимое малодушие». Из 400 страниц повести «Ночной полёт», концентрируя и оттачивая мысль, он оставил только – 140.

Свои книги Сент-Экзюпери писал ночами, в промежутках между работой, находясь на лечении или в отпуске. Внутренний диалог с читателем пульсировал в нём и во время его многочасовых полётов. Неожиданные, интересные мысли он заносил в записную книжку, которая всегда лежала у него в нагрудном кармане. Свои рукописи он аккуратно хранил в небольшом голубом чемодане, а меняя место жительства – всегда забирал его с собой.

Сент-Экзюпери призывает беречь время, отпущенное человеку на Земле, заставляет задуматься о своих дарованиях, о своём предназначении в жизни: «Ты построил свой тихий мирок, замуровал наглухо все выходы к свету, как делают термиты. Ты свернулся клубком, укрылся в своем обывательском благополучии, в косных привычках, в затхлом провинциальном укладе; ты воздвиг этот убогий оплот и спрятался от ветра, от морского прибоя и звезд. Ты не желаешь утруждать себя великими задачами, тебе и так немалого труда стоило забыть, что ты – человек. Нет, ты не житель планеты, несущейся в пространстве, ты не задаёшься вопросами, на которые нет ответа: ты просто-напросто обыватель города Тулузы. Никто вовремя не схватил тебя и не удержал, а теперь уже слишком поздно. Глина, из которой ты слеплен уже высохла и затвердела, и уже ничто на свете не сумеет пробудить в тебе уснувшего музыканта, или поэта, или астронома, который, быть может, жил в тебе когда-то… Конечно, призвание помогает освободить в себе человека – но надо ещё, чтобы человек мог дать волю своему призванию». И сам он спешил. «В вечности меня спросят: «Как ты обошёлся со своими дарованиями, что сделал для людей?»

Антуан де Сент-Экзюпери

Гражданский и военный лётчик, обладатель Ордена Почётного легиона Франции, кавалер Военного Креста, изобретатель, писатель, достойно занявший место в одном ряду с классиками мировой литературы. Всё это он вместил в свою короткую жизнь длиной в 44 года.

Основные произведения Антуана де Сент-Экзюпери:

Южный почтовый (Почта — на юг) / Southern Mail — 1929

Ночной полёт / Vol de nuit (Night Flight) – 1931

Планета людей / Terre des hommes (Wind, Sand, and Stars) – 1938

Военный лётчик / Pilote de guerre (Flight to Arras) – 1942

Письмо заложнику / Lettre à un otage (Letter to a Hostage) – 1943

Маленький принц / Le petit prince (The little prince) – 1943

Цитадель / Citadelle (The Wisdom of the Sands) – 1948

Книга «Цитадель» издана посмертно. Писатель не успел при жизни отредактировать, объединить воедино её фрагменты, напечатанные на отдельных листах бумаги, не успел завершить своё последнее детище, которое осталось после него в виде объёмного черновика.

Для меня, как думаю, и для всех, кто любит произведения Сент-Экзюпери, решающим в подходе к «Цитадели» стала её оценка самим автором, как вершины его творчества. «По срав-

нению с этой вещью все остальные мои книжонки кажутся всего лишь подготовительными упражнениями».

Кто-то говорит о «Цитадели» – «трудное чтиво». Да, возможно, ведь постижение «Цитадели» – это восхождение мысли, духа, познания. «Всякое восхождение мучительно. Перерождение болезненно. Не измучившись, мне не услышать музыки, – писал Сент-Экзюпери, – Страдания, усилия помогают музыке зазвучать. <…> …В радость человеку только то, над чем он хорошенько потрудился, – так уж он устроен. Чтобы насладиться поэзией, нужно дотянуться до нее и ее преодолеть. Доступные стихи быстро изнашиваются сердцем, так же быстро, как открывшийся с вершины пейзаж. Усталость и желание отдохнуть придали ему столько прелести, но вот ты отдохнул, тебе хочется идти дальше, и ты зевнул, глядя на пейзаж, которому больше нечего тебе предложить <…> Я… слишком хорошо знаю: легкое и доступное – бесплодно…»

Удивительно точно и проникновенно написал о «Цитадели» переводчик, писатель, искусствовед Юрий Стефанов: «Легко и приятно в летнюю жару выпить залпом стакан воды. Но невозможно проглотить одним духом даже малый корец меду – у него другая плотность, другой «удельный вес». Именно такова на вкус поздняя проза Экзюпери – ее невозможно глотать, её надо вкушать, наслаждаясь словесным медом этого подлинного чуда, которым по праву может быть названа «Цитадель».

Литературные премии

1931 – премия Фемина — «Vol de nuit» («Ночной полет»)

1939 – Большая премия Французской академии – «Terre des hommes» («Планета людей»)

1939 – Национальная книжная премия США – «Wind, Sand, and Stars» («Ветер, песок и звёзды» – название американского издания книги «Планета людей»)

Он опередил своё время

Список патентов Сент-Экзюпери на изобретения для самолётов : [18]

[18] Информация взята с сайта «Взлёт мысли»

795.308
Устройство для посадки самолетов
Зарегистрирован: 15 декабря 1934
Опубликован: 6 января 1936.
836.790
Новый метод слепой посадки самолетов с помощью устройств и приборов
Зарегистрирован: 8 октября 1937
Опубликован: 25 октября 1938.
49.453
Дополнение к предыдущему патенту
Зарегистрирован: 19 ноября 1937
Опубликован: 17 января 1939.
837.676
Гониограф
Зарегистрирован: 29 октября 1937
Опубликован: 18 ноября 1938.
838.687
Устройство репетитора съема показаний индикаторно-измерительных приборов
Зарегистрирован: 29 ноября 1937
Опубликован: 16 декабря 1938.
850.093
Устройство подъемной силы и тяги, специально для самолетов
Зарегистрирован: 17 августа 1938
Опубликован: 4 сентября 1939.
50.700
Первое дополнение к предыдущему патенту
Зарегистрирован: 22 июля 1939
Опубликован: 12 ноября 1940.
50.809
Второе дополнение в патенте 850.093
Зарегистрирован: 26 июля 1939
Опубликован: 9 января 1941.
850.098
Устройство прокладчика курсов, специально для судов и самолетов
Зарегистрирован: 18 августа 1938
Опубликован: 4 сентября 1939.
861.203
Усовершенствование посредством контроля двигателей в полете с помощью одного индикаторного прибора
Зарегистрирован: 22 июля 1939
Опубликован: 22 октября 1940.
861.386
Новое устройство запуска двигателей, специально для моторов самолетов
Зарегистрирован: 28 июля 1939
Опубликован: 28 октября 1940.
870.607
Новый метод измерения путем наложения симметричных кривых и его приложение к радиогониометрическим индикаторным приборам
Зарегистрирован: 24 июня 1939

Опубликован: 22 декабря 1941.
924.902
Новый метод пеленгации с помощью электромагнитных волн
Зарегистрирован: 19 и 29 февраля 1940
Выдан 17 марта 1947
Опубликован: 20 августа 1947.

Знавший Антуана де Сент-Экзюпери известный математик, профессор Митраль, писал о нём: «Он в совершенстве владел языком математики, но для его творческого воображения очень характерно, что он всегда старался сухое, чисто математическое объяснение заменить логическим. Неоспоримо одно: Сент-Экзюпери самостоятельно, без помощи какой-либо лаборатории, справлялся с труднейшими задачами и находил теоретические и технические решения в ту пору, когда виднейшие специалисты-практики и даже ученые только еще занимались предварительным изучением этих вопросов. Он опередил свое время…, он предвидел появление реактивных самолетов».

Сент-Экзюпери занимали труды Паскаля и Декарта, ему нравились стихи Рильке и Бодлера. Вот что он пишет в своих «Воспоминаниях о некоторых книгах»: «В поездках я не расстаюсь с несколькими книгами, но мне не хотелось бы сейчас перечислять их названия; ведь признайся я, что повсюду вожу с собой труды Паскаля, Декарта, современных философов, математиков и биологов, – это покажется претенциозным, бьющим на эффект. Однако эти книги – вот они, при мне, у меня на столе. На войне верными моими спутниками были Паскаль, „Заметки Мальте Лауридса Бригге“ Рильке, да потрепанный том Бодлера…» [19] [20] [21] [22]

Этот человек был неогранённым алмазом

Американский писатель Куртис Кейт в биографии Сент-Экзюпери «Небесная птица с земной судьбой» писал в 1970 году: «Во Франции его успех был еще необычайнее. Согласно списку бестселлеров, составленному энциклопедией „Кид“, Сент-Экзюпери – единственный французский автор прошлого столетия, чьи три книги вошли в первую десятку». Имеются в виду произведения: «Ночной полёт», «Планета людей», «Маленький принц». И сегодня на сайте «ТАСС: Культура» в статье от 31 июля 2016 года я вновь читаю о немеркнущей славе Сент-Экзюпери. «Маленький принц» переведён на 270 языков и диалектов, а общий тираж сказки, выпущенный по всему миру за семьдесят с лишним лет, составил свыше 150 миллионов экземпляров. Впечатляет, не правда ли? Это, не считая тиражей других его произведений, которые тоже пользуются большой популярностью в мире.

13 декабря 2016 года в парижском Пантеоне – усыпальнице знаменитых людей Франции, где покоятся: Жан Жак Руссо, Виктор Гюго, Пьер и Мария Кюри…, почтили память Антуана де Сент-Экзюпери. У него нет могилы на земле, она – в Средиземном море, но на стене величественного Пантеона высечены слова: «В память об Антуане де Сент-Экзюпери, поэте, писателе, пилоте, пропавшем в ходе лётной разведывательной миссии 31 июля 1944 года».

О всемирно известном лётчике и писателе на церемонии произнесли слова, полные гордости за соотечественника, министр обороны Жан-Ив Ле Дриан и министр культуры Франции Одри Азулай. После исполнения «Марсельезы» хором Французской армии участники торжества возложили венки к стене Пантеона с надписью, посвящённой Сент-Экзюпери. Его память

[19] Блез Паскаль – французский математик, механик, физик, литератор и философ XVII в.

[20] Декарт – французский философ, математик, механик, физик и физиолог, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики XVII в.

[21] Мария Рильке – известный поэт-модернист XX в.

[22] Шарль Пьер Бодлер – классик французской и мировой литературы XIX в.

чтут на государственном уровне. Это вызывает радость и гордость за писателя. Где Сент-Экзюпери и где они — его жалкие обвинители, отравлявшие некогда ему жизнь, запрещающие его книги.

***

Прошло более 85 лет с тех пор, как произведения Сент-Экзюпери впервые увидели свет. Многое из того, что создано людьми устарело и забыто за ненадобностью. Но книги Сент-Экзюпери – в них та же свежесть, подлинность чувств, сила духа. Его произведения – кладезь мудрых мыслей. Многие его высказывания стали известными афоризмами. Испытанные временем, книги Сент-Экзюпери признаны классикой. А «в классике, как сказал известный российский актёр Василий Лановой, нет прошлого».

Написанное писателем в первой половине прошлого века современно и актуально сегодня: «…миру предстоит решить всего лишь одну проблему, одну-единственную: как вернуть человечеству духовный смысл бытия… Нельзя же просто жить, находя удовлетворение в содержимом холодильников, политике, выписках банковских счетов и разгадывании кроссворда. <…> Все, что нам остается сегодня, – бездушный язык пропагандистского громкоговорителя… Два миллиарда людей превращены в уши для внимания механическому голосу робота-громкоговорителя, понимают только этого робота, сами превращаются в роботов… Человек, которого под видом культуры пичкают стандартной продукцией серийного производства, словно вола сеном. Вот это и есть нынешний человек… Из-за отсутствия сильного духовного убеждения появятся, подобно грибам, тридцать шесть сект, которые устроят грызню и будут раскалывать друг друга».

Литературоведы изучают творческое наследие Сент-Экзюпери, рассматривают мировоззренческие концепции автора. Это нива сведущих – область, удалённая от массового читателя, для которого писал Антуан. Но для тех и других очевидно, что книги Сент-Экзюпери – это в первую очередь следствие его таланта и трудолюбия.

Несмотря на то, что он не был профессиональным писателем, за это его упрекали некоторые французские интеллектуалы, осмелившегося вторгнуться со своей одарённостью в мир литературы, его книги глубоко волнуют самого разного читателя.

Невольно вспоминаются слова Николая Михайловича Карамзина: «Учение образует, но не производит автора. Тредиаковский учился во Франции у славного Ролленя; знал древние и новые языки; читал всех лучших авторов и написал множество томов в доказательство, что он… не имел способности писать». Сент-Экзюпери замечает: «Чтобы мы услышали, с нами надо говорить простым и понятным языком». Его активная гражданская позиция, неподдельная искренность, широта и щедрость души покоряют, его книги нравственно очищают, склоняют к размышлению. Замечательно сказал о писателе японский режиссёр-аниматор Хаяо Миядзаки: «Этот человек был неогранённым алмазом… А необработанный камень, не подверженный веяниям моды и смене эпох, не стареет».

ГЛАВА 7. ГРАФЫ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Вдова в 29 лет

Отец Антуана, граф Жан Марк де Сент-Экзюпери, и его мать, урождённая графиня Мари Бойе де Фонсколомб, происходили из знатных аристократических родов Франции. Первое упоминания о роде Сент-Экзюпери восходит к 1235 году.

В молодости Жан служил драгуном в Туре, но со временем уступил настояниям родителей и перешёл работать инспектором в страховую компанию «Компани дю Солей», созданную его дедом Фернаном. Находилась компания в крупном французском городе Ле-Манс, расположенном в двухстах километрах юго-западнее Парижа. [23]

Мать Антуана, жизнелюбивая, весёлая Мари, выросла в семье, принадлежавшей к одному из великосветских кругов Экс-ан-Прованса, богатого города, некогда столицы Прованса.

Мари де Сент-Экзюпери

Всего в семье Мари и Жана Сент-Экзюпери родилось пятеро детей: три сестры и два брата. Старшие сёстры: Мари-Мадлен (1897г.) и Симона (1898г.), младший брат Франсуа (1902г.) и младшая сестра Габриэль (1904г.). Антуан – третий ребёнок в семье, средний между двумя старшими и двумя младшими детьми, родился в 1900 году.

Жан Марк де Сент-Экзюпери

Жан Марк умер от кровоизлияния в мозг в 1904 году, когда Тонио, так звали Антуана родные, исполнилось четыре года. Мари оказалась вдовой в 29 лет с пятью маленькими детьми на руках.

Вскоре после смерти мужа она с детьми перебралась из Лиона, где семья снимала квартиру, к своим родителям в поместье Ла Моль, в Провансе. Мари тяжело переживала смерть Жана, впадала в депрессию. Её отец Шарль и её мать Элис Фонсколомбы поддерживали Мари морально и финансово, так как она осталась после смерти мужа без средств к существованию. Спустя три года, от испанки (разновидность гриппа), умер её отец Шарль де Фонсколомб. Всвязи с этим в поместье Ла Моль поселился старший брат Мари Эммануэль. Он отказался от военной карьеры и вместе с женой переехал в Ла Моль с целью взять на себя заботу о родовом имении.

Мари, после смерти отца, по приглашению своей близкой родственницы по материнской линии, графини Габриэль де Трико, поселилась в её усадьбе в Сен-Морис-де-Реман. Стареющая графиня взяла молодую вдову с пятью детьми под свое покровительство. После смерти графини де Трико, в 1920 году, усадьба в Сен-Морис-де-Реман перешла по наследству в собственность Мари. [24]

Известно, что Мари была утончённой и образованной женщиной. Она хорошо рисовала. «Что вы делаете, мама? Пишете ли вы картины?..», – спрашивает её Антуан в письме из Авора в 1922 году, где учился на курсах офицеров запаса. И позже – в письме из Бреста в 1929 году: «Дорогая мама, Вы чересчур скромны. Контора газетных вырезок посылает мне всё, что относится к вам. Я так счастлив, моя знаменитая мамочка, что город Лион приобрел вашу картину!»

Кроме того, Мари профессионально играла и импровизировала на пианино, любила романсы Шумана, пела, по воспоминаниям знакомых, красивым контральто. Она сопровож-

---

[23] Тур – крупный город во Франции

[24] Графине Габриэль де Трико досталась усадьба в Сен-Морис-де-Реман от её мужа, графа де Трико, умершего в 1885 году в возрасте 52-х лет. Жена Габриэль пережила его на 35 лет.

дала игрой на фисгармонии воскресные мессы в церкви городка Сен Морис де Реман и пела в церковном хоре. Пианино знаменитой французской фирмы «Плейель», на котором Мари музицировала, до сих пор стоит в гостиной усадебного дома в Сен-Морисе. [25]

Будучи дипломированной сестрой милосердия, как многие аристократки того времени, что было в почёте, госпожа Мари на протяжении Первой мировой войны работала сестрой милосердия в госпитале, в городке Амберьё. Туда, на узловую станцию, непрерывно пребывали поезда с ранеными. Находилась станция неподалёку от коммуны Сен-Морис-де-Реман.

[25] Контральто – низкий женский голос.

Ожог – от музыки, от картины или от любви

Тонио рос подвижным ребёнком, впрочем, как и его младший брат Франсуа. О своих братьях вспоминает их старшая сестра, Симона: «Оба они и вправду были несносные мальчишки, так ведь это всегда бывает в детстве, когда энергия бьет ключом, а отца слишком рано не стало и обуздать тебя некому.

Они вечно дрались друг с другом и никого не слушались. По утрам от их беготни дом ходил ходуном. Антуан не желал мыться в тазу и вывертывался из рук отчаявшейся гувернантки. Он прыгал и скакал голышом, корчил ей рожи. Или принимался что-то рассказывать брату, а Франсуа, не слушая, напевал дразнилку: «Не болтай, дуралей, наши уши пожалей!» Антуан тут же набрасывался на него, и опять начиналась потасовка. За общий стол их не сажали, они ели с гувернанткой и младшей сестренкой, но вопли и яростные протесты («не хочу морковку!») разносились по всему дому и портили взрослым аппетит».

Тонио

Подрастающих графских детей Сент-Экзюпери воспитывали в лучших традициях дворянства. В них развивали чувство собственного достоинства, патриотизм, повышенное чувство долга перед родиной, природные дарования с тем, чтобы сполна послужили отечеству. В них развивали разносторонние интересы и умения, стремление к самосовершенствованию и саморазвитию. Осуждалось быть хвастливым и заносчивым в силу своего высокого происхождения. В дворянских детях воспитывались: честность, вежливость, учтивость к старшим и вышестоящим, смелость, умение мужественно превозмогать жизненные трудности, владеть собой, самодисциплина. Позже об этих чертах характера Антуана, присущих ему, как истинному дворянину, напишут в своих воспоминаниях его друзья и сослуживцы. [26]

[26] См. главу 26 «Сент-Экзюпери в воспоминаниях друзей»

Тонио рос талантливым и любознательным. В детстве он писал стихи, небольшие пьесы, любил книги. «Переходя из комнаты в комнату, я вдыхал разлитый повсюду… запах старых книг, с которым не сравнятся никакие благовония», – напишет он позже в «Планете людей».

Он рано научился читать. «Первой книгой, которую я по-настоящему полюбил, был сборник сказок Ханса Кристиана Андерсена. Но это была уже вторая из прочитанных мной книг. В четыре с половиной года я сгорал от желания прочитать настоящую книгу. На дне старого деревянного сундука, набитого пожелтевшими каталогами и проспектами, я наткнулся на брошюру по виноделию; она была совершенно недоступна моему пониманию, но я прочел ее всю от корки до корки, пленяясь каждым словом. Это и была моя самая первая книжка.

Через несколько лет я открыл для себя Жюля Верна. Мне уже было около десяти. «Черная Индия», одна из его наименее известных книг, которая вообще-то считается скучноватой, ослепила меня блеском великолепия и тайны. Я и теперь остаюсь при своем мнении, потому что этому роману суждено было сыграть важную роль в моей жизни. Действие его разыгрывается в подземных галереях, прорытых на глубине нескольких тысяч футов, куда от века не проникает свет. Вполне возможно, что фантастическая атмосфера этой книги, запечатлевшаяся у меня в памяти, лежала у истоков моего «Ночного полета», который тоже есть не что иное, как исследование тьмы», – напишет Сент-Экзюпери в «Воспоминаниях о некоторых книгах». [27]

С раннего возраста Антуан увлекался техникой, ему нравилось заниматься изобретательством. На полях тетрадки, в которой писал свои детские стихи, он чертил схемы моторов, по памяти пытался воспроизвести схему устройства паровоза, мастерил самодельный телефон.

Тонио с матерью

Тонио хорошо рисовал. Переписываясь с матерью, сёстрами и друзьями, когда был ещё школьником, он сопровождал свои письма карикатурами, смешными сценками или пейзажами. Сестра Симона вспоминает: «Мой брат всегда разрисовывал школьные тетради и студенческие конспекты. Он присылал нам письма, испещрённые рисунками, которые не всегда нравились адресатам, поскольку изображали их в ужасном, карикатурном виде». Впоследствии Антуан сам сделал акварельные иллюстрации к своей знаменитой сказке «Маленький принц», хотя не был профессиональным художником. [28]

Тонио унаследовал от матери талант не только к рисованию, но и к музыке. Тонко устроенный, он был способен на «ожог – от музыки, от картины или от любви». Ему нравились произведения Баха. «Вас погружают в стихию Иоганна Себастьяна Баха, и все ваши ощущения меняются. Даже смерть, если она настигнет вас в это время, приобретает совершенно иной смысл. И любой ваш поступок. И любое горе». [29]

Один раз в неделю в усадьбу приезжала из Лиона знакомая матери, преподавательница музыки, Анна-Мари Понсе. Она учила детей игре на музыкальных инструментах и пению. Тонио обучали игре на скрипке и фортепиано.

---

[27] Одна тысяча футов составляет около 300 метров.

[28] Цитата по книге «Антуан де Сент-Экзюпери. Рисунки: акварель, пастель, перо, карандаш». Пер. с фр. Л. Гладковой, М., КоЛибри, 2013.

[29] Из письма Х. (г-же Н) [декабрь; получено 18 февраля 1944 г.]

Во Фрибуре. Смерть брата

В 1909 году (Антуану 9 лет, Франсуа — 7) Мари отдала братьев в коллеж Нотр-Дам де Сент-Круа, в городе Ле-Ман. Когда-то в этом коллеже обучались отец и дядя Антуана. Здесь братья проучатся в течение шести лет. В коллеже Тонио продолжил обучение игре на скрипке.

Неспокойное было время, шла Первая мировая война, и Мари, осенью 1915 года, перевела детей в коллеж Монгре, который располагался ближе к дому. Братья проучились в нём один семестр. Но, в связи с военными действиями, преподавателей в коллеже становилось всё меньше, их забирали на фронт, и мать отправила братьев учиться в Швейцарию, в коллеж Вилла-Сен-Жан во Фрибуре, где было спокойно и безопасно.

Жилые и учебные корпуса в коллеже были светлые и чистые, находились они в горном лесу, над городом. Здесь подростки могли не только учиться, но и полноценно развиваться физически. На территории коллежа имелись: плавательный бассейн, зал для фехтования, теннисные корты. В зимнее время ученики катались на лыжах по горным склонам. Никогда и никому Антуан не спускал обид и оскорблений, не любил прозвищ, нередко вступал в конфликт с обидчиком, хоть это и сказывалось на его оценке по дисциплине.

Он не выделялся блестящей учёбой, был задумчив и романтичен, но он много читал, писал стихи и лучшие сочинения в классе. «Я никогда не питал пристрастия к романам и читал их не так уж много. Первыми привлекли меня романы Бальзака, особенно «Отец Горио». В пятнадцать лет я напал на Достоевского, и это было для меня истинным откровением: я сразу почувствовал, что прикоснулся к чему-то огромному, и бросился читать все, что он написал, книгу за книгой, как до того читал Бальзака. В шестнадцать я открыл для себя поэтов. Естественно, я был уверен, что сам к ним принадлежу, и два года кряду, подобно всем подросткам, лихорадочно кропал стихи. Я боготворил Бодлера и, к стыду своему, должен сознаться, что затвердил наизусть всего Леконта де Лиля и Эредиа, а также Малларме. От любви к Малларме не отрекаюсь и поныне. Из современных романистов первым мне полюбился Жан Жироду, «Школа равнодушных». В этом коллеже Антуан получил качественное образование; углубленное гуманитарное и хорошую подготовку по естественным и точным наукам. [30] [31]

После окончания коллежа Антуана настигает тяжёлый удар. От острого перикардита сердца умирает Франсуа. «Мой младший брат болел, — читаем в «Военном лётчике», — и уже несколько дней, как был признан безнадежным. Однажды утром… меня будит его сиделка:

– Ваш брат зовет вас. <…> Поспешно одеваюсь и бегу к брату. Он обращается ко мне своим обычным голосом:

– Я хотел поговорить с тобой прежде, чем умру. Я умираю. – Лицо его сводит судорога, и он умолкает. <…> Но, успокоившись, он объясняет мне:

– Не бойся… я не страдаю. Мне не больно. Но я не могу удержаться. Это уж мое тело. – Его тело – уже не принадлежащее ему владение.

Но он хочет говорить серьезно, мой маленький брат, который через двадцать минут умрёт. Он чувствует настоятельную потребность передать кому-то в наследство частицу себя. Он говорит: «Я хотел бы оставить завещание…» И он краснеет, гордый, разумеется, тем, что поступает, как взрослый мужчина. Если бы он был строителем башни, он завещал бы мне достроить свою башню. Если бы он был отцом, он завещал бы мне воспитание своих сыновей. <…> Но он всего лишь ребенок. Он завещает мне моторную лодку, велосипед и ружье».

[30] Шарль Леконт де Лиль (1818—1894) и Жозе Мария де Эредиа (1842—1905) – французские поэты, «парнасцы», утверждающие, что поэзия должна быть безличной. Во главу угла они ставили не чувство, а науку, движимую разумом.

[31] Малларме Стефан (1842—1898) – французский поэт-символист.

ГЛАВА 8. ПАРИЖ, АРМИЯ

И чистка картошки, и строевые занятия

Начало XX века – время заката европейской аристократии. Отец Антуана – один из представителей разорившихся французских дворян, многие из которых уже не могли позволить себе спокойно жить в своих постепенно разоряющихся имениях, они вынуждены были поступать на службу. Жану не удалось оставить состояние своим детям. Их мать Мари тоже – из обедневшей провансальской аристократии.

Поместье в Сен-Морисе, доставшееся Мари по наследству, давало небольшой доход. По мере того, как дети подрастали, финансовое напряжение в семье усиливалось. Детям Сент-Экзюпери пришлось самим пробиваться в жизни. После беззаботного и безбедного детства они в полной мере столкнулись с суровой действительностью.

Завершив обучение в коллеже, получив полное среднее образование и диплом бакалавра, 17-летний Антуан едет в Париж. Он готовится к поступлению в высшее военно-морское училище, куда определялись тогда многие молодые люди аристократического круга. Из-за осложнившегося материального положения семьи, мать Антуана вынуждена была значительно сократить сумму, отправляемую ему в Париж. Несмотря на знатное происхождение, графский титул, Антуан, выросший в достатке, теперь часто испытывал денежные затруднения.

Для того чтобы выдержать большой конкурс в военно-морское училище, он проходит дополнительный курс математики. Окончив его, блестяще сдаёт экзамен по математике, его работа признана лучшей на конкурсе. Но дальше он терпит неудачу, и на каком экзамене – по сочинению! Он, который писал в школьные годы лучшие сочинения в классе, не смог заставить себя писать на предложенную псевдопатриотическую тему. Антуан отделался несколькими строчками и получил неудовлетворительную оценку. Его нетерпимость к сделкам с совестью останется с ним на всю жизнь.

Потерпев неудачу на экзамене в военно-морское училище, Антуан записывается вольнослушателем в Парижскую Академию изящных искусств на архитектурное отделение. Но, проучившись в ней год и три месяца, понимает, что это не его путь, прерывает действие отсрочки, данной ему высшим учебным заведением, и уходит служить рядовым в армию, записавшись в авиационный полк, в Страсбурге.

Он и ещё три новобранца из его команды, в силу своего дворянского происхождения, помимо основной службы, имели привилегию обучаться лётному делу. Но вначале, как остальных рядовых, Антуана назначили в рабочую команду, где – и чистка картошки, и строевые занятия.

Уроки пилотирования

Его титул графа, образование бакалавра, полученное в коллеже, хорошее знание физики и математики вводят в недоумение вышестоящих офицеров, которые, как и Сент-Экзюпери, по происхождению дворяне. Они предлагают ему читать курс лекций для новобранцев по аэродинамике и теории двигателя внутреннего сгорания. Антуан соглашается.

Теперь ему легче на службе, и он с нетерпением ожидает, когда начнётся обучение полётам. Но случается непредвиденное. На учебном самолёте погибают в аварии лётчик-инструктор и его ученик. В связи с этим министерство запретило обучать в полку военнослужащих срочной службы профессии лётчика.

Тогда Антуан договаривается с пилотом, капитаном де Билли, о частных уроках пилотирования. Курс обучения лётному делу стоит две тысячи франков. Тонио просит мать прислать ему эти деньги, подробно объясняет ей в письме ход своих мыслей и действий, делится с ней своим желанием летать, успокаивает: «…Капитан Билли был со мной очарователен… он вполне одобряет мою мысль получить права гражданского летчика. <…> Меня будут учить летать на чрезвычайно тихоходном „Фармане“. На нём специально устанавливают двойное управление. <…> Клянусь, вам незачем беспокоиться. Раньше, чем через три недели, я без двойного управления не полечу…»

Мари изыскивает возможность и отправляет сыну необходимую сумму. Пройдя специальный курс пилотирования, Антуан получает лицензию гражданского лётчика. За время обучения он успел горячо полюбить небо и самолёт. При этом его не оставляет желание писать, оно волнует его, нарастает и усиливается.

По просьбе Антуана его переводят на полгода в Марокко (колония Франции), где он проходит специальный курс обучения и получает права военного лётчика. Служба в армии подходит к концу. Антуан становится профессиональным гражданским и военным лётчиком. Незадолго до окончания службы его направляют из Марокко в город Истр, во Франции, на курсы военных пилотов, для совершенствования лётного мастерства. После чего, в звании младшего лейтенанта, Сент-Экзюпери получает назначение в 34-й авиационный полк в Бурже, под Парижем.

ГЛАВА 9. ЛУИЗА

Мне-то крышка. Но не падать же на праздничную толпу

С января 1923 года в жизни Сент-Экзюпери наступает полоса неудач. В те времена профессиональные пилоты демонстрировали на праздниках своё лётное мастерство. Они показывали в небе захватывающее зрелище из сложных и опасных фигур высшего пилотажа.

Друг Антуана, врач Жорж Пелисье вспоминает: «Просто диву даешься – сколько он перенес тяжёлых аварий, из которых, кажется, только чудом вышел живым. В 1923 году он проходил военную службу в Бурже. И тут, во время народного гулянья в Версале, случилась его первая авария. Он проделывал над толпой зрителей акробатические номера „на дрянном самолётишке“. Машина начала разваливаться в воздухе. Антуан успел подумать: „Мне-то крышка. Но не падать же на праздничную толпу“. По счастью, ему удалось дотянуть машину до места, где падение было опасно для него одного. Его подобрали полуживого. В сознание он пришел уже на койке военного госпиталя».

Поправившись, Антуан возвращается в авиачасть, садится в самолёт и снова поднимается в небо, чтобы доказать самому себе, что он, несмотря на неудачу, по-прежнему может летать.

Он помолвлен с Луизой де Вильморен, его первой любовью. Луиза – девушка из знатной и весьма состоятельной семьи. Её родные озабочены тем, что Антуан хоть и граф, но беден, а его профессия грозит Луизе стать молодой вдовой. Родные ставят условие: если она по-прежнему хочет выйти за него замуж, он должен отказаться от профессии лётчика.

Сент-Экзюпери оказался перед трудным выбором. «В то время гражданская авиация едва расправляла крылья; мало кто предугадывал тогда ее поразительный расцвет…», – вспоминал Дидье Дора. После долгих, мучительных раздумий Антуан порывает с полётами и демобилизуется. Но он продолжает грезить небом. [32]

Знакомый графов де Вильморен помог Антуану устроиться служащим в компанию по производству плитки. Новая работа находилась в хорошем месте – неподалёку от Елисейского дворца, в Париже. Но ежедневная монотонная проверка отчётов, маленький, мрачный кабинет, в котором надо было находиться от звонка до звонка, сковывали Антуана и приводили его в уныние. Эта работа была не для него, творческого, общительного человека, любящего небо и самолёты.

Он брался писать. Главы из его первой, впоследствии утерянной повести «Бегство Жака Берниса», были напечатаны в популярном парижском журнале «Серебряный корабль», издательницы Адриенны Монье, и имели успех у читателя. Для начинающего автора – это было очень даже неплохо. Но для того чтобы обеспечить себе безбедную жизнь, этого было недостаточно.

Помолвка Антуана с Луизой, назначенная на конец 1923 года, расстроилась. Незавидное материальное положение Тонио, его неотступная мечта о небе не устраивали ни родных Луизы, ни её саму, да она и не представляла себе жизнь отличную от той, которой жила в родном доме. Антуану же претило праздное аристократическое времяпровождение семейства Вильморинов.

Сестра Антуана, Симона, пишет в своих воспоминаниях: «Однажды Ивонна (двоюродная сестра писателя, прим авт.) повезла Антуана на субботу и воскресенье к своим родителям в замок Ланкосм; это была не слишком удачная мысль. Сугубо светские разговоры о политике, о лошадях, о земледелии, финансах и игре в бридж ничуть не занимали Антуана.

[32] Дидье Дора – директор эксплуатационных авиалиний компании Латекоэр, бывший начальник, а позже друг Антуана де Сент-Экзюпери. Они были знакомы с 1919 г.

Он был не способен ни принять участие в подобной беседе, ни перевести ее в другое русло какой-нибудь остроумной шуткой (на это не вдохновляло окружение) – и все время отмалчивался, к великой досаде хозяев, которые рассчитывали найти в нем блестящего собеседника. До самого возвращения в Париж он так и не вымолвил ни слова, и наш дядя потом попрекнул маму тем, что ее сын настоящий дикарь».

Позже Антуан напишет в письме Луизе: «Я далек от светской жизни… снобизма и рассеянной, бесполезной жизни… Я сказал себе: «Жизнь одна (по крайней мере, так я предполагаю), и мне будет жаль, если я потрачу ее на серую работу и светские чаи». На протяжении всей своей жизни он останется верен этому убеждению — «Никогда я не сдамся пресыщению». [33]

Это слишком глубоко во мне…

Осенью 1924 года Антуан уходит из компании по производству плитки и устраивается торговым агентом на завод по изготовлению грузовиков, с предварительной двухмесячной стажировкой в должности механика по сборке автомобилей.

Его рабочий день длился десять часов, на дорогу уходило ещё три часа. Из письма другу Шарлю Саллю: «Я в изнеможении добираюсь домой и засыпаю на ходу. Но, дружище, я ни в коей мере не считаю это невыносимой тоской. В великолепном синем комбинезоне я провожу дни напролет под грузовиками. <…> Я уже в состоянии полностью разобрать твой «Ситроен».

После стажировки Антуан работает торговым агентом, но без особого воодушевления и успеха. Его осуждали богатые родственники, они укоряли его мать, называя её сына авантюристом, позорящим их знатный аристократический род. Работу лётчика они считали самоубийством, а последующую работу в должности мелкого служащего – недостойной дворянина. Именитые родственники будущего писателя изменят своё отношение к нему и его матери значительно позже, спустя годы, когда, после гибели сына, мать получит письмо от генерала Шарля де Голля:

«Генерал де Голль, 27 декабря 1959 г.

Сударыня,

от всего сердца благодарю Вас. Ваш сын жив, он среди людей! И Франция счастлива этим! Примите, сударыня, уверения в глубочайшем уважении и признательности. Ш. де Голль»

В 1925 году Луиза вышла замуж за американского предпринимателя. Антуан болезненно переживал разрыв с любимой и долго ещё писал ей. Его письма красноречиво говорят о том, что это было не просто юношеское увлечение, а глубокое, сильное чувство, прекрасная и одновременно трудная пора в его жизни.

Из письма Антуана, отправленного Луизе из Парижа в апреле 1929 года: «Мне совершенно необходимо тебе написать. Хотя словами мне сказать тебе нечего. Это слишком глубоко во мне, слишком переплелось со мной. И смута так велика, что ее не передать никакими словами. Но, несмотря ни на что, мне необходимо поговорить с тобой. Не потому что я надеюсь на понимание. Скорее я предпринимаю попытку, обреченную на провал. Слова. Так подбрасывают в воздух почтовых голубей, не зная, долетят ли. Но знаешь, может, посыл значим сам по себе, и он более значим, чем получение. Тебе я отдал всего себя. И теперь, может быть, по собственной воле повторно иду в рабство. Тебе измениться невозможно. Я сказал тебе, что не понимаю, но я понимаю все, понимаю, – когда ты становишься ближе, когда отдаляешься, когда приходишь ко мне, когда отправляешь меня в изгнание. Ты переменчивая погода, а я все пытаюсь погреть старые раны на солнышке… Любимая моя, не пугайтесь: я разговариваю сам с собой. Любовь много больше меня. Мне нужно ее рассказать».

[33] Из письма, отправленного знакомой С. 04. 05. 1939 г.

ГЛАВА 10. ВАШ СЫН ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВ, ОН НАШЁЛ СВОЕ ПРИЗВАНИЕ

В Каб-Джуби

Антуан продолжает работать торговым агентом, но его всё сильнее влечёт небо. «Работая только ради материальных благ, мы сами себе строим тюрьму. И запираемся в одиночестве, и все наши богатства – прах и пепел, они бессильны доставить нам то, ради чего стоит жить», – напишет он в книге «Планета людей».

Наконец, в 1926 году, Сент-Экзюпери удалось устроиться в компанию авиационных предприятий авиаконструктора и предпринимателя Латекоэра. Антуан стремится поскорее приступить к полётам, но директор авиалинии Дидье Дора отвечает ему: «Как все. Поэтапно». Это означало, что прежде надо поработать простым механиком в ангаре: разбирать моторы, менять свечи, чистить цилиндры… Антуан работает, терпеливо ожидая, когда его допустят к полётам.

Антуан, 1926 год

Из воспоминаний Дидье Дора: «Сент-Экзюпери пришел ко мне в октябре 1926 года, это было в Монтодране (Тулуза), я ведал тогда эксплуатацией авиалиний компании «Латекоэр» <…> Так же, как механики, он прослушивал моторы… Он никогда не брюзжал, не боялся черной работы, и скоро я убедился, что он завоевал уважение рабочих Монтодрана… Несколько недель спустя я доверил ему почтовый рейс на Касабланку. <…> Он стал одним из самых надежных и аккуратных пилотов нашей линии… Я сразу почувствовал, что Сент-Экзюпери – настоящий человек, к тому же способный вдохновлять и вести других, именно поэтому вскоре ему была поручена миссия, от которой зависела безопасность нашей линии на побережье Африки.

У нас были до крайности напряженные отношения с кочевниками. Понимая, что тут нужен человек со многими достоинствами и прежде всего с большим тактом, я доверил Антуану де Сент-Экзюпери пост начальника аэродрома в Кап-Джуби. <…>

Пренебрегая всякой осторожностью…, он умудрился за несколько недель расположить к себе испанца – коменданта форта, добился согласованности действий от летчиков-спасателей, обязанных выручать экипажи потерпевших аварию самолетов, а главное, установил добрососедские отношения с кочевниками… Его мужество, его спокойная уверенность оказались куда убедительней долгих уговоров. Он поселился в дощатом бараке, стоявшем вне крепостной стены форта Кап-Джуби, он не искал защиты от разбойничьих набегов – и сразу же приобрел среди кочевников славу редкостного смельчака. <…>

Да, Франция многим обязана таким людям, как Антуан де Сент-Экзюпери; теперь, тридцать лет спустя, у меня есть этому живые доказательства… Немало мавров-переводчиков горячо и искренне рассказывали мне, как горды они тем, что когда-то в Кап-Джуби или Порт-Этьене разделяли с ним скромную трапезу».

Арабы начинают меня признавать

Сент-Экзюпери прожил 18 месяцев в богом забытом краю на северо-западе Африки, в городишке Кап-Джуби, ныне – город Тарфая. Это было трудно и опасно. Здесь проводилась дозаправка самолётов, летящих из Тулузы (Франция) в Касабланку и Дакар (Африка), ремонтировались самолёты в случае поломки.

Летчик-механик, командир полётов и дипломат в одном лице, он жил в лёгком временном домике казарменного типа, возле океана, обеспечивая безопасность самолётов, прилетающих из Тулузы, от мавров, вооружённых ружьями.

Подолгу ему приходилось бывать в одиночестве, рядом с полными ненависти аборигенами, обходясь скудным пайком. Спал Антуан на тощем матраце из соломы, столом ему служила дверь, которую он положил на две бочки из-под керосина. Но, несмотря на аскетический образ жизни, здесь он полон душевных и творческих сил, здесь, в необозримых песках, он пишет роман «Южный почтовый».

«Дакар – Джуби, 1927 год.

Дорогая мамочка,

Что за монашескую жизнь я здесь веду!..

Полное отрешение от благ. Дощатая постель, тощий соломенный тюфяк, таз, кувшин с водой. Да еще безделушки: пишущая машинка и казенные бумаги. Настоящая монастырская келья!

Самолеты прибывают целую неделю. Затем три дня перерыва. И когда они улетают, я чувствую себя словно наседка, у которой разбежались цыплята. Я тревожусь до тех пор, пока радио не принесет весть об их прибытии в следующий пункт – в тысяче километров отсюда. И каждый миг я готов лететь на поиски пропавшего цыпленка.

В часы приливов море добирается до нас, и, когда по ночам я сижу, облокотившись на подоконник моего окошка с решеткой, оно плещет подо мной, словно я на лодке. <…>

Марабут дает мне уроки арабского. Учусь писать. Уже немножко получается. Устраиваю приемы вождям. И они приглашают меня за два километра в пустыню на чашку чаю в их шатрах. Сюда не добирался ещё ни один испанец. А я заберусь и дальше, ничем не рискуя, так как арабы начинают меня признавать.

Растянувшись на ковре, я смотрю в прорезь шатра на неподвижные пески, на детишек вождя, нагишом играющих под солнцем, на верблюда, лежащего вблизи. Возникает странное впечатление: словно нет ни одиночества, ни отдаленности, а только эта мимолетная игра… <… > Чувствую себя хорошо. Мамочка, ваш сын очень счастлив, он нашёл свое призвание».

Пилот редкой смелости

В июле 1928 года Сент-Экзюпери спас лётчика Ригеля, с которым в начале своей работы на линии он осваивал участок Касабланка – Дакар, самый трудный из всех из-за сильных прибрежных ветров и опасности быть убитым арабами, что кочевали вдоль побережья.

Антуан пишет из Африки своей младшей сестре Габриэль: «Сахара начинается тотчас же за границей Сенегала. Она находится в руках непокорённых племен. В прошлом году у нас убили двух пилотов (из четырёх), и на расстоянии тысячи километров я могу удостоиться чести быть подстреленным, как куропатка. <…> Нам предстоит довольно много хлопот в поисках двух самолётов, затерявшихся в пустыне. За пять дней я налетал над Сахарой около восьми тысяч километров.

За мной, как за зайцем, охотились отряды по триста головорезов. Я пережил опасные дни, четыре раза приземлялся на непокорённой территории и после одной вынужденной посадки провёл там целую ночь. В такие минуты приходится с величайшей щедростью рисковать собственной шкурой.

Я воспитываю лисёнка-фенека, зовётся также лисой-одиночкой. Он меньше кошки, и у него огромные уши. Он очарователен. Я закончил роман в сто семьдесят страниц и сам не знаю, что о нём думать». [34]

Смелый, умный и решительный Антуан вызволил из беды лётчиков: Сера и Рейна, Валейо и де Видаля. Они так же как Ригель, потерпев аварию над Сахарой, попали в плен к маврам. Старшая сестра Симона пишет в воспоминаниях о брате: «Мавры, у которых особое чутьё на мужество, восхищались рослым улыбчивым смельчаком, которого они называли «Сатакс». [35]

В Кап-Джуби Сент-Экзюпери убедительно показал своё умение находить правильные решения в экстремальных ситуациях, проявлял чудеса дипломатии и большую ответственность за доверенное ему дело. 7 апреля 1930 года Антуана удостоили высшей государственной награды Франции – ордена Почётного легиона.

Из представления Антуана де Сент-Экзюпери к награде: «Исключительные данные, пилот редкой смелости, отличный мастер своего дела, проявлял замечательное хладнокровие и редкую самоотверженность. Начальник аэродрома в Кап-Джуби, в пустыне, окружённый враждебными племенами, постоянно рискуя жизнью, выполнял свои обязанности с преданностью, которая превыше всяких похвал. Провёл несколько блестящих операций. <…> Спас из области, занятой крайне воинственным населением, раненый экипаж испанского самолёта,

[34] Речь идёт о книге Сент-Экзюпери «Южный почтовый».

[35] Искажённое «Сент-Экс» – примечание Симоны.

едва не попавший в руки мавров. Выручил другой испанский самолет, потерпевший аварию в том же районе, и обеспечил спасение экипажа, который готовились захватить в плен наиболее воинственные и враждебно настроенные мавры. Без колебаний переносил суровые условия работы в пустыне, повседневно рисковал жизнью; своим усердием, преданностью, благородной самоотверженностью внёс огромный вклад в дело французского воздухоплавания, значительно содействовал успехам нашей гражданской авиации и в особенности – развитию линии Тулуза – Касабланка – Дакар».

ГЛАВА 11. ПАТАГОНСКАЯ АВИАЛИНИЯ

В Аргентине

Французская авиакомпания «Аэропосталь», созданная в 1918 году, осуществляла международные почтовые перевозки. Постепенно она охватила своими воздушными линиями и небо Южной Америки. Французское авиапредприятие доказало своё превосходство над другими иностранными компаниями, вытеснив их с южноамериканского континента. «Я решил дать его неискоренимой потребности действовать, – вспоминает Дидье Дора, – больше простора. Двенадцатого октября 1929 года Антуан де Сент-Экзюпери сошёл на берег в Буэнос-Айресе и стал здесь директором компании «Аэропоста Аргентина» – отделения «Генеральной компании Аэропосталь»… Антуан, получив новое назначение, пишет письмо матери.

«Буэнос-Айрес, Маджестик-отель, 25 октября 1929 года.

Дорогая мамочка!

Я назначен директором эксплуатации компании «Аэропоста Аргентина», филиала Всеобщей авиапочтовой компании «Аэропосталь» (с окладом что-то около 25000 франков…) Я думаю, вы довольны. <…> Меня поставили в известность только сегодня вечером, поэтому я не хотел раньше ничего вам говорить. А теперь надо спешить, так как до отправки авиапочты осталось лишь полчаса.

Пишите мне по указанному адресу (в отель Маджестик), а не по адресу компании. Как только у меня будет квартира, пишите мне туда.

…В понедельник я на несколько дней отправляюсь в Сантьяго в Чили, а в субботу в Комодоро-Ривадавия в Патагонии. Завтра пошлю вам пароходом большое письмо. Целую вас от всей души, любящий вас, Антуан».

Сент-Экзюпери организовал почтовую Патагонскую авиалинию, наладил регулярные почтовые рейсы между Буэнос-Айресом и Пунта-Аренасом – самой южной точкой Южной Америки. Разведывание и прокладка новых воздушных трасс; много душевных и физических сил отдал Сент-Экзюпери на создание этой Линии. «Богачом я был не в те ночи, когда просаживал заработанные деньги, а в те, когда в два часа пополуночи в Буэнос-Айресе – мы тогда прокладывали трассы в тех краях – я, бывало, только засну, измотанный чередой полетов, из-за которых тридцать часов не смыкал глаз, как вдруг меня выдергивает из постели беспощадный телефонный звонок, извещающий о какой-нибудь далёкой аварии: «Срочно на аэродром… нужно лететь к Магелланову проливу…» И я с проклятиями вылезал из постели в зимнюю стужу. <…> Час езды в машине по наспех проложенным дорогам, грязным, ухабистым, – и я на лётном поле, вместе с товарищами. Я молча пожимал им руки, еще не до конца проснувшийся, угрюмый, скрюченный ревматизмом, который так легко подхватить зимой после одной-двух бессонных ночей… Я запускал двигатели. Читал метеосводки, словно протоколы будущих неприятностей: грозы, иней, снег… И отрывался от земли, и летел в темноту, навстречу хмурому рассвету.

И вот, перебирая в уме события, которые были для меня самыми важными в жизни, я понимаю, что дорожу только воспоминанием об этих тяжких трудах. Их сияющий след потрясает меня. <…> …Всё это оставило во мне глубокий след, сравнимый разве что с памятью о любви. Поиски пропавших товарищей, ремонт отставшего самолёта, невыносимая усталость – именно этой части труда обязан я своим рождением, пусть даже и не понимал тогда, как это важно. А от ночей, когда я транжирил свой заработок, остался только пепел. <…>

Прокладка новых трасс делала наши сердца богаче, потому что требовала от нас жертв. Трасса рождалась из наших жертв. А, благодаря ей, рождались и мы», – скажет Сент-Экзюпери

в «Послании молодым американцам» в 1941 году. «Нервную систему Сент-Экзюпери спасала от перегрузки лишь его способность к полному выключению во сне. Сном он обладал глубочайшим независимо от обстановки. Этот благотворный сон, как по волшебству, восстанавливал, казалось, неисчерпаемую способность Антуана удивляться, радоваться, огорчаться, размышлять, волноваться и страдать», – писал в своей книге Марсель Мижо.

Юг здесь – это холодный край

Теперь Антуан при деньгах; солидные гонорары за книги, хорошая зарплата – не так, как в молодые годы, когда он вынужден был часто обращаться за финансовой помощью к матери, которая с трудом сводила концы с концами. И он рад теперь появившейся у него возможности помочь своей стареющей матери.

«Буэнос-Айрес, 1930 год.

Дорогая мамочка!

На следующей неделе вы получите телеграфно 7000 франков, из коих 5000 для уплаты долга Маршану и 2000 для вас. И я буду с конца ноября посылать вам по 3000 франков в месяц вместо 2000, как я раньше сказал.

Я о многом думал. Хотелось бы, чтобы вы провели зиму в Рабатеи имели возможность писать картины. Вы были бы так счастливы и могли бы одновременно заняться рядом интереснейших благотворительных дел. [36]

Я оплачу ваш проезд, и затем с тремя тысячами франков в месяц вы сможете очень приятно жить. Но я слишком далеко, чтобы самому найти вам что-нибудь подходящее. Не могли бы вы написать д'0венэ или каким-нибудь другим знакомым, у которых есть друзья в Рабате? <…> Там так красиво! И через два месяца все будет в цвету.

Вы сможете поехать и в Марракеш, и остаться там писать, если вам захочется, но, думаю, Рабат вас вполне устроит. Во всяком случае, не хочу, чтобы вы ехали в Касабланку.

Здесь довольно мрачная страна. <…> На днях я был на юге, в Патагонии (нефтяные промыслы Комодоро-Ривадавия), и здесь на пляжах мы встретили тысячеголовые стада тюленей. <…> Юг здесь – это холодный край. Южный ветер – холодный ветер. И чем дальше на юг, тем больше мёрзнешь.

Дорогая мамочка, нежно целую вас. Антуан»

[36] Рабат – столица Марокко, государства в Северной Африке, в то время – колония Франции.

ГЛАВА 12. ЕЙ-БОГУ, Я ТАКОЕ СУМЕЛ, ЧТО НИ ОДНОЙ СКОТИНЕ НЕ ПОД СИЛУ

Почта – дороже, чем жизнь

С давних пор люди мечтали летать. Эта мечта неудержимо вела их в небо. Первые лётчики-конструкторы терпели аварии на своих хрупких, примитивных самолётах. Следующие за ними авиаторы конструировали новые самолёты, совершенствовали их и снова поднимались в небо. В те времена лётчики были для одних настоящими героями, другим они казались чудаками, третьим – авантюристами.

Антуан де Сент-Экзюпери родился на заре самолётостроения. Восхищённый полётами первых лётчиков он, будучи школьником младших классов, прикрепил к велосипеду полотнище, натянутое на ивовые прутья и, разгоняясь на спуске, пытался взлететь.

Во время летних каникул двенадцатилетний Антуан садился на велосипед и спешил по пыльной тропинке на авиационное поле в Амберьё – небольшой город, расположенный в шести километрах от коммуны Сен-Морис-де-Реман. Добравшись до места, он часами наблюдал, как механики ремонтировали самолёты.

К Тонио привыкли на аэродроме. Однажды лётчик Жюль Ведрин предложил ему прокатиться на самолёте. Пилот, взяв Антуана на борт, сделал с ним круг над лётным полем. Мальчик был в восторге. В то время Жюль Ведрин считался одним из самых знаменитых авиаторов Франции, побив мировой рекорд по скорости в перелёте Париж – Мадрид. [37]

Люди, в большинстве своём, ещё не верили в будущее авиации, в то, что в скором времени самолёты станут незаменимым транспортным средством для перевозки пассажиров и грузов.

Первое практическое применение самолёты получили в качестве средства связи и разведки на итало-турецкой войне 1911 года. Уже в Первой мировой войне их стали использовать для бомбардировки и уничтожения военных объектов противника.

С развитием авиации задумались о перевозке почты на самолётах. Это значительно сокращало её доставку по сравнению с доставкой морским или железнодорожным транспортом. Работа лётчиков, перевозивших почту, сопровождалась большим риском для их жизни. И, если вначале они летали только днём, то из коммерческих соображений лётчиков стали обязывать летать и ночью, подвергая их жизнь ещё большой опасности. При дальних беспосадочных перелётах самолёты попадали в область ураганного ветра, тумана, дождя, при которых поверхность земли не было видно, и лётчикам приходилось лететь вслепую, бороться со стихиями природы не на жизнь, а на смерть.

Многие друзья Сент-Экзюпери погибли, когда так же как он, доставляя почту в кромешной тьме, попадали в грозу или бурю, или когда прокладывали новые воздушные трассы.

Людям хотелось поскорее получить долгожданные известия от родных, любимых, друзей. «Авиационная компания наставляла: почта – драгоценность, почта – дороже, чем жизнь. Да, это так. Здесь есть чем жить тридцати тысячам влюбленных… Терпение, влюбленные. К вечеру, когда в окнах засветятся огни, я доставлю ее вам», – говорит герой Сент-Экзюпери Жак Берни в книге «Ночной полёт».

[37] Существует и другая версия, по которой 12-летнего Антуана впервые прокатил на самолёте не менее известный лётчик – Габриэль Вроблевски.

Какое совершенное одиночество в пустыне!

Друг Антуана, Жан Мермоз, всемирно известный лётчик, в неимоверных условиях проложил через Южную Атлантику новую почтовую авиалинию из Франции в Латинскую Америку, сократив доставку почты между материками с 50 дней морского пути, до двух дней. Однажды он прокладывал новый воздушный мост из Буэнос-Айреса в Сантьяго. Его путь проходил через Анды – одну из самых высоких горных цепей в мире. Вершины Анд достигают 7000 метров, а потолок самолёта, на котором летел пилот, составлял всего – 5200. Мермоз искал просветы между вершинами. Из-за проблем с самолётом ему пришлось сделать вынужденную посадку на отвесной каменной площадке, на высоте 4000 метров.

Два дня, вместе с механиком, они безуспешно пытались выбраться из горного капкана. Тогда, разогнав самолёт, Мермоз сорвался с отвесного края в пропасть, стараясь набрать высоту. Он выбрался из этой передряги и проложил, рискуя жизнью, новую воздушную авиалинию. В 35 лет этот сильный, отважный человек, доставляя почту, пропал без вести над Атлантикой, в районе западной Африки. Сент-Экзюпери долго не мог смириться со смертью друга. «В своей статье в «Марианне», девять дней спустя, он всё ещё не верил в непоправимое. Он писал, и это было похоже на молитву: «Ты – мой товарищ со всеми твоими прекрасными недостатками, которые мы любим. И я жду тебя, чтобы броситься тебе в объятия. Я не хочу скорбить по тебе, я сохраняю для тебя твоё место в маленьком вечернем бистро, где мы встретились. Ты просто немного опоздаешь, как всегда, о, мой невыносимый друг». [38]

Жан Мермоз и Антуан де Сент-Экзюпери – на почтовых марках

Ещё один близкий друг Сент-Экзюпери, Анри Гийоме, перевозивший на самолёте почту через Анды, потерпел аварию в горах, попав в мощный нисходящий вихревой поток ветра. Переждав бурю, бушевавшую два дня, в сорокаградусный мороз, он без снаряжения и еды стал спускаться с высоты четырёх с половиной тысяч метров. По заснеженным кручам Анри карабкался через перевалы, не позволяя себе расслабиться, чтобы не уснуть, закоченев от холода. Обувь стала тесной его обмороженным, распухшим ногам, и он разрезал её перочинным ножом от раза до раза всё глубже.

На его поиски вылетел лётчик Деле. Как только Сент-Экзюпери узнал о том, что Гийоме не вернулся из рейса, он присоединился к Деле, и на двух самолётах они продолжали поиск пропавшего пилота в течение пяти дней, но безуспешно. На седьмой день Антуан услышал в распахнувшуюся дверь: «Гийоме жив!»

Уже в больнице Анри скажет Сент-Экзюпери, что ему очень хотелось сдаться, лечь там, в горах, и уснуть, положив конец своим мучениям, но этого ему не позволяла сделать ответственность, которую он испытывал за родных людей и за брошенную в горах почту.

Такими были близкие друзья Сент-Экзюпери. Таким был он сам. Слова, которые Гийоме сказал друзьям после случившегося, в полной мере относятся и к Сент-Экзюпери: «Ей-богу, я такое сумел, что ни одной скотине не под силу».

Много хороших лётчиков погибло в ту пору. Антуан пишет в письме другу: «Сколько наших товарищей, пропавших без вести, канули в вечность… Я – единственный, оставшийся в живых из тех, кто летал еще на „Бреге-XIV“: Колле, Рейн, Лассаль, Борегар, Мермоз, Этьенн, Симон, Лекривен, Уилл, Верней, Ригель, Ошеде и Гийоме. Все, кто прошёл через это, погибли, и мне не с кем больше на этом свете делиться воспоминаниями… Из товарищей по Южной Америке нет больше ни одного, ни одного… Нет у меня больше на свете ни одного товарища, которому можно сказать: „А помнишь?“ Какое совершенное одиночество в пустыне! Я думал, это только участь стариков – терять на своем жизненном пути всех друзей. Всех».

[38] Из книги Т. Фресс «9 жизней Антуана де Сент-Экзюпери».

Ну и пляска!

В отличие от современных самолётов с автоматическим управлением, самолёты 20-х годов прошлого века требовали от лётчиков во время пилотирования значительно большего эмоционального и физического напряжения. Пилоты летали без точных навигационных приборов.

Они управляли самолётом вручную, при помощи зрительных ориентиров. Автопилота тогда не было и в помине. Кроме того, качество самолётов желало лучшего. « *В те времена моторы были ненадежны, не то, что нынешние. Нередко, ни с того ни с сего, они нас подводили: внезапно оглушал грохот и звон, будто разбивалась вдребезги посуда, # и нам приходилось идти на посадку…, # вспоминал Сент-Экзюпери. «Как только я и мои товарищи оставляли позади себя пустошь Трелью и приближались к зоне, где бушевали ветры, мы тотчас же узнавали, буйствуют они или нет, по какому-то серо-синему цвету неба. В предвидении сильной болтанки мы затягивали туже пояса и плечевые ремни. И тут начинался тяжелый полёт.*

На каждом шагу мы проваливались в невидимые ямы. Это была настоящая физическая работа: с плечами, согнутыми под тяжестью резких перегрузок, мы битый час гнули горб, как докеры. <…> Самолет всё так же не отклонялся от прямой и продолжал свой плавный полёт. Но крылья уже восприняли эти предупреждающие толчки: нечастые, едва ощутимые короткие удары.

Время от времени они сотрясали самолёт, точно в воздухе происходили небольшие пороховые взрывы. И внезапно всё вокруг взорвалось. <…> При попытке взять вправо, чтобы компенсировать внезапный снос, я заметил, как ландшафт подо мной всё замедляет свой бег и, наконец, окончательно останавливается. Я не делал больше ни шага вперед. Ландшафт под моими крыльями как бы застыл. Я видел, как земля качается подо мной, кружит, но всё на том же месте: самолет буксовал, словно бы у шестеренок передач сразу сломались все зубья… Когда такой ветер налетает на тропический лес, он, подобно пламени, охватывает ветви, изгибает их спиралью и вырывает с корнем, как редиску, гигантские деревья…

». Да, я уже считал, что гибну. После двадцати минут борьбы со стихией я не продвинулся и на сто метров к берегу. <…> Я пытался, хоть сколько-нибудь амортизировать рывки, опасаясь, что они порвут тягу. Я слишком судорожно вцепился в штурвал и теперь не чувствую больше рук. <…> Ничего больше не знаю. Чувствую только полное опустоше-

ние. Иссякают силы, иссякает моя воля к борьбе. <…> Слышен прерывистый треск рвущегося авиационного полотна. Когда тишина продолжается больше секунды, у меня чувство, точно сердце останавливается. Бензиновые насосы вышли из строя… Конец! Нет, мотор снова заворчал… Термометр на крыле показывает тридцать два градуса ниже нуля. Но я с ног до головы в поту. Пот течёт у меня по лицу. Ну и пляска! Позже я узнаю, что аккумулятор сорвал свои стальные скобы, грохнулся о потолок кузова кабины и пробил его. Я узнаю также, что нервюры крыльев расклеились, а некоторые тросы управления перетерлись и держались на волоске. Пока что я опустошён. Не знаю, когда уже на меня найдёт безразличие от большой усталости и смертельная жажда покоя. Ну что тут кому расскажешь? Ничего. У меня болят плечи. Очень болят. Как если бы я носил чересчур тяжёлые мешки», – напишет Антуан в «Ночном полёте

В силу ли быстрой реакции, гибкого мышления или решительности, свойственным Сент-Экзюпери, он каким-то чудом, не раз находясь на грани смерти, оставался живым.

Неспроста, к тем, кто выбирал профессию пилота, предъявлялись (и предъявляются) повышенные требования: лётчик должен быть интеллектуально развитым, иметь высокие моральные принципы, последовательное мышление, чёткое пространственное представление. Известно, что личностные качества лётчика часто играли решающую роль в полётах.

Катастроф в жизни Сент-Экзюпери было немало. В 1933 году он едва не погиб при испытании гидроплана, выбравшись в последние секунды из затонувшего самолёта. Врач и старый друг Антуана, Жорж Пелисье, так описывает этот случай: «Когда он служил в компании Латекоэр, на его обязанности лежала приемка новых машин. Он принял в Сент-Рафаэле гидроплан Лате на поплавках. [39]

Уж не знаю, почему во время испытательного полета гидроплан спикировал и затонул, правда, в неглубоком месте. Пилот, инженер и бортмеханик оказались под водой. Гидроплан уткнулся носом в дно, хвост торчал в небо. Внутри, в хвостовой части корпуса образовался воздушный пузырь, и вода вытолкнула туда Антуана. В этом спасительном уголке можно было дышать. Он перевёл дух, изумлённый и обрадованный: он испытывал блаженство, и только. Он очутился в ловушке.

Воздух постепенно ускользал, просачиваясь в щели фюзеляжа. «Кажется, мои пассажиры выбрались, – вдруг подумал он. – Наверное, через переднюю дверцу». А вода понемногу поднималась, затопляя фюзеляж. Тогда Сент-Экзюпери нырнул, двинулся вдоль переборки, нашёл открытую дверцу и, вынырнув на поверхность, оказался среди своих товарищей перед самым носом примчавшегося на выручку спасательного катера. Он так долго не появлялся на поверхности, что его уже не надеялись спасти. Слушая его, я был поражён безмятежным спокойствием, которое он сохранял в своём воздушном колоколе. Этим спокойствием проникнуты рассказы Антуана обо всех часах и минутах, когда он смотрел в лицо смерти».

[39] В марте 1931г. компания «Аэропосталь» юридически перестала существовать, Д. Дора снят с поста директора. Покинул из солидарности пост технического директора и Антуан. В 1933г. он – лётчик-испытатель в конструкторском бюро Латекоэра (французский предприниматель и авиатор).

ГЛАВА 13. ДЕЙСТВИЕ СПАСАЕТ ОТ СМЕРТИ

В 1935 году я летел в Индокитай

В 30-е годы лётчики один за другим устанавливали рекорды дальности и скорости перелётов. За установленные рекорды они получали солидные денежные премии. В 1935 году Сент-Экзюпери, надеясь поправить своё финансовое положение, принял решение установить новый рекорд скорости на трассе Париж – Сайгон. В случае победы его ожидал денежный приз в размере 150 тысяч франков. Дидье Дора помог Антуану купить на льготных условиях новый, ещё не собранный «Симун». [40]

Самолёт «Симун»

В течение двух недель Антуан с механиком Андре Прево готовились к перелёту. Наконец, самолёт был собран. Для облегчения веса они сняли с «Симуна» всё, что посчитали лишним, оставив на борту только самое необходимое. Антуан решил убрать даже радиоаппаратуру, в те времена она была громоздкой и тяжёлой. В лётной школе Анри Фармана он прошёл одиннадцатичасовой инструктаж по слепому пилотированию и надеялся обойтись в полёте без радиоаппаратуры. С собой Антуан взял своего друга, механика Андре Прево.

Наконец, 29 декабря 1935 года Антуан и Андре вылетели с аэродрома в Бурже по намеченному маршруту, но через 4 часа 15 минут полёта их самолёт потерпел крушение в Ливийской пустыне. По совету предусмотрительного Дидье Доры Сент-Экзюпери застраховал самолёт, чтобы в случае неудачи вернуть свои деньги.

Антуана и Андре, умирающих от жажды, спасли бедуины. «В 1935 году я летел в Индокитай, – пишет Сент-Экзюпери в «Планете людей», – а очутился в Египте, у рубежей Ливии, я увяз там в песках, как в смоле, и ждал смерти… Кажется, я только и ощутил, как наш мир содрогнулся и затрещал, готовый разбиться вдребезги. На скорости двести семьдесят километров в час мы врезались в землю.

Потом сотую долю секунды я ждал: вот огромной багровой звездой полыхнет взрыв, и мы оба исчезнем. Ни Прево, ни я ничуть не волновались. Я только и уловил в себе это напряжённое ожидание: вот сейчас вспыхнет ослепительная звезда – и конец. Но её всё не было. Что-то вроде землетрясения разгромило кабину, выбило стекла, на сто метров вокруг разметало куски обшивки, рёв и грохот отдавался внутри, во всём теле.

Самолёт содрогался, как нож, с маху вонзившийся в дерево. Нас яростно трясло и колотило. Секунда, другая… Самолёт всё дрожал, и я с каким-то диким нетерпением ждал – вот сейчас неистраченная мощь взорвёт его, как гранату. Но подземные толчки длились, а извержения все не было. Что же означают эти скрытые от глаз усилия? Эта дрожь, эта ярость, эта непонятная медлительность? Пять секунд… шесть… И вдруг нас завертело, новый удар вышвырнул в окна кабины наши сигареты, раздробил правое крыло – и всё смолкло. Всё оцепенело и застыло. Я крикнул Прево:

– Прыгайте! Скорей! В ту же секунду крикнул и он:

– Сгорим!

Через вырванные с мясом окна мы вывалились наружу. И вот уже стоим в двадцати метрах от самолёта. Спрашиваю Прево:

– Целы?

– Цел! – отвечает он и потирает колено.

---

[40] Французский самолёт «Simoun» представлял собой четырехместный прогулочный моноплан с повышенной надежностью и комфортностью. (Моноплан – это самолёт с одной парой крыльев, расположенных в одной плоскости).

– Пощупайте себя, – говорю.

– Двигайтесь. У вас ничего не сломано? Честное слово?

А он отвечает:

– Пустяки, это запасной насос…

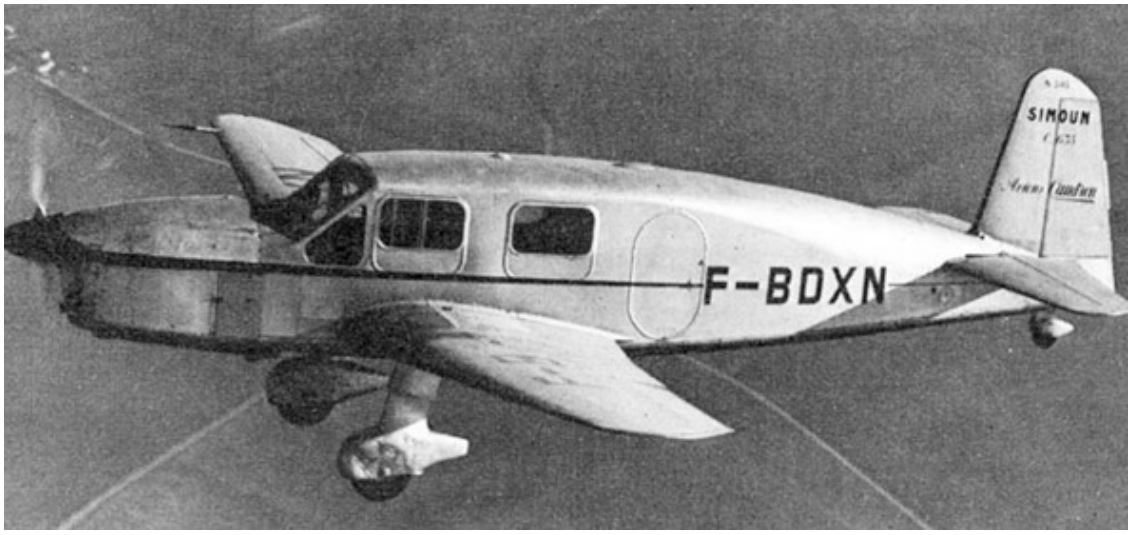
Мне почудилось – его раскроило надвое, как ударом меча, и сейчас он рухнет наземь, но он смотрел остановившимися глазами и всё твердил:

– Это запасной насос…

Мне почудилось – он сошёл с ума, сейчас пустится в пляс… Но он отвёл, наконец, глаза от самолёта, который так и не загорелся, посмотрел на меня и повторил:

– Пустяки, запасной насос стукнул меня по коленке.

Непостижимо, как мы уцелели».



Он… не утратил ни на йоту живости ума

Невзирая на неудачу – падение в пустыне, Антуан, в начале 1937 года, на полученные от страховой компании деньги за разбитый в Сахаре «Симун», покупает другой самолёт и прокладывает новую авиалинию Касабланка – Тимбукту.

Он благополучно делает перелёт по маршруту Касабланка – Тимбукту – Гао – Бамако – Дакар. Посмотрите на карту, вы увидите, что это путь не в одну тысячу километров над безжизненной пустыней. А ведь он уже умирал от жажды в Сахаре. Но в этот раз он горд и доволен собой. Об этом перелёте он пишет другу Гийоме: «Дружище, отсылаю тебе твой словарь ворожбы. В настоящее время я в Алжире, где пытаюсь написать ряд статей, которые оплатят мне часть расходов по путешествию. Отсюда я вернусь прямо во Францию и встречусь с тобой. Благодаря моему роскошному компасу и усовершенствованному указателю сноса, выкрашенному в белый цвет (у него такой дешёвый вид), я здорово летаю. Я совершенно точно приземлился в Атаре, где остался ночевать, в надежде присутствовать при великих пиршествах, о которых мне говорили. К несчастью, полковник добродетелен, и мы большей частью распевали духовные гимны.

На следующий день, всё ещё по своему компасу, пренебрегая ориентировкой по тропам, проложенным в пустыне, я прямиком угодил в Форт-Гуро, а затем и в Тэндуф. Прямой путь перерезает Рио-де-Оро. <…> В Тэндуф я попал с точностью до трёх километров. Когда какой-нибудь филантроп подарит мне большой компас, величиной с суповую миску, я буду попадать с точностью в середину круга».

В 1938 году Сент-Экзюпери пытается осуществить прямой перелёт Нью-Йорк – Огненная Земля. Такого маршрута ещё никто не предпринимал. Но Антуан терпит аварию в Гватемале. Несколько дней он находится без сознания, его отправляют на самолёте в Нью-Йорк, на лечение. «Я долго пробыл в коме – ощущение более чем неприятное, потому что к жизни возвращаешься не сразу: приходишь в себя медленно, и кажется, что поднимаешься, всплываешь сквозь какую-то густую, вязкую массу на поверхность внешнего мира.

Я делал мучительные физические и умственные усилия, но не мог вырваться из власти забытья. Помню, как проснулся ночью потому, что с меня сползли простыни и одеяла. В Гватемале из-за большой высоты над уровнем моря ночи очень холодные. У меня было восемь переломов, и до одеял мне было не дотянуться».

Но и на этот раз Антуан справляется с потрясением и тяжёлыми физическими травмами. «…Он не потерял трудоспособности, не утратил ни на йоту живости ума», – пишет об этом эпизоде Марсель Мижо.

Из воспоминаний фотографа журнала «Лайф», Джона Филлипса: «Самая страшная катастрофа случилась с ним в Гватемале, где, как, он любил выражаться, он „узнал всю серьёзность гравитации и восемь дней не приходил в сознание“. Один шрам после этого несчастного случая задрал бровь, придав взгляду постоянное вопросительное выражение, а из-за другого шрама на губах играла кривая усмешка».

Это удивительно, но много раз оказываясь на волоске от смерти, превозмогая тяжёлые травмы и ранения, Антуан вновь поднимался в небо. «Действие спасает от смерти. Оно спасает и от страха, и от всех слабостей, даже от холода и болезней», – записал Сент-Экзюпери в своём блокноте.

Мне нельзя обращать внимание на этот утробный страх

Лётчики, служившие с Антуаном, рассказывали о его необыкновенном бесстрашии. Вот как описывает Сент-Экзюпери пережитое им в бою в «Военном лётчике»: «Мышцы бёдер обладают поразительной силой. Я жму на педали так, словно хочу пробить стену. Я бросаю самолет в сторону. Он делает резкий рывок влево, треща и вибрируя. Корона взрывов скользнула вправо <…> Я обманул орудия, они бьют теперь мимо. <…> Но, прежде чем я нажал другой ногой, чтобы уйти в противоположную сторону, надо мной снова возникла корона. С земли опять пристрелялись. Самолёт, ухнув, вновь низвергается в провалы. Но я опять всей тяжестью тела навалился на педаль. Я бросил или, вернее, рванул самолёт в противоположную сторону (к чёрту координацию!), и корона съехала влево.

А вдруг продержимся? Но долго эта игра продолжаться не может! Как бы резко я ни двигал педалями, оттуда, спереди, на меня опять надвигается ливень разящих копий. Корона опять нависает надо мной. Всё мое нутро вновь сотрясается от толчков <…> Теперь каждый разрыв уже не угрожает нам: он нас закаляет. При каждом разрыве, в течение десятой доли секунды, я думаю, что моя машина превратилась в пыль. Но она все ещё повинуется управлению, и я поднимаю её, как коня, туго натягивая поводья…

Я живу. Я жив. Я ещё жив. Я превратился в источник жизни. Меня охватывает опьянение жизнью. Говорят: «Опьянение боем…» Но это и есть опьянение жизнью! О, знают ли те, кто стреляет в нас снизу, знают ли они, что они нас выковывают? Маслобаки, баки с горючим – всё пробито. Дютертр говорит: «Закончил! Набирайте высоту!» <…> А я медленно перевожу дух. Набираю полную грудь воздуха. Как чудесно дышать!»

В 1943 — 1944 г. Сент-Экзюпери воевал на самолёте «Лайтнинг П-38» – это двухмоторный тяжёлый истребитель и самолёт-разведчик американской компании «Локхид», один из самых скоростных в то время. Не напрасно английские лётчики прозвали его «Лайтнингом», что в переводе с английского означает – «Молния». Позже это название закрепилось

официально за самолётом, он развивал скорость свыше 600 километров в час и летал на высоте 10 тысяч метров. Немцы называли его «вилохвостым дьяволом», а японцы – «два самолета – один пилот».

Каким бы смелым человеком не был Сент-Экзюпери, ему, как всякому смертному, был свойствен страх, с которым он боролся, развенчивая его как призрак: «Заранее ведь известно, что на десяти тысячах метров существует определённый процент несчастных случаев из-за аварий с кислородом, а это смерть. Потому необходимо усилие, чтобы безоглядно выбрать эту профессию. Но тогда получается, что храбрость – это нечто, отличающееся благородством от буйства подвыпившего унтер-офицера: она становится условием познания самого себя.

Я, разумеется, тоже не из числа «несгораемых»… Не люблю высоты. Десять тысяч метров – это нежилой мир, и меня все время преследует мысль, что авария кислородной маски придушит меня, как цыплёнка… Мне нельзя обращать внимание на этот утробный страх, которому я, как всякий, могу поддаться», – напишет он в письме другу.

ГЛАВА 14. ВТОРАЯ МИРОВАЯ

В мире, где воцарился бы Гитлер, для меня нет места

Накануне войны Антуан, человек далёкий от политики, при этом обладающий хорошей интуицией и аналитическим умом, слушая речи руководителей нацистов, приходит к выводу, что их идеи неубедительны. Их попытки государственного переворота, приводившие к уличным беспорядкам и столкновениям, заложниками которых становились мирные жители, вызывали у Сент-Экзюпери досаду и чувство горечи: «Я вправе думать: всё то, за что „Боевые кресты“, по их утверждению, борются, ничтожно, раз они нуждаются во внешних проявлениях своей силы и эту силу направляют на действия, в которых нет ничего, что казалось бы мне порядочным…» [41]

Фашизм тогда ещё не раскрыл себя до конца. Концлагеря, крематории будут позже, а пока фашистские молодчики крушили магазинные витрины зажиточных евреев, избивали и грабили их. «Политические верования, которым не достаёт явной для всех правоты, чтобы утвердиться, прибегают к насилию», – повторит свою мысль писатель в «Письме заложнику».

В начале лета 1937 года, затем зимой 1939-го Антуан ездил в Германию с целью получить представление о нацистах, их образе мыслей. Он побывал в школе командного состава в Берлине, в школе фюреров в Крёссинзее… «Он вернулся в ужасе, – пишет в воспоминаниях доктор Пелисье, – В каком-то училище, кажется в Померании, он воочию убедился, что такое образ мыслей гитлеровской молодежи. Он спрашивал учащихся: что вы думаете о том-то или о том-то? – и на всё получал один ответ: «Наш фюрер сказал…»

Впрочем, изредка кто-то из юношей колебался, потом отвечал: «Мы не знаем. Наш фюрер ничего про это не говорил». Общение с ними вызвало у Сент-Экзюпери глубокое неприятие фашистского режима. Он отказался от встречи с Герингом, который изъявил желание увидеться с писателем, и покинул Германию, заключив: «В мире, где воцарился бы Гитлер, для меня нет места!»

Третьего сентября 1939 года, после нападения Германии на Польшу, союзники Польши – Франция и Англия направили руководству Германии ультиматумы с требованием прекратить военные действия в Польше и полностью вывести из неё свои войска. Положительного ответа от Германии не последовало, сроки ультиматумов истекли, Англия и Франция объявили Германии войну, но, по сути, формально. Воевать они не стали и не предприняли никаких действий в защиту Польши, бросив своего союзника на произвол судьбы. В это время руководство Франции объявило о всеобщей мобилизации в стране. Начался призыв в армию резервистов от 30 до 40 лет.

Странная война

Чтобы представить, в каких жизненных обстоятельствах оказался Антуан де Сент-Экзюпери незадолго до своей гибели, необходимо сделать отступление, осветить тот сложный, трагический момент в истории Франции.

После разгрома Польши, в октябре 1939 года, Германия приступила к подготовке плана захвата на Западе. Гитлер готовил вторжение во Францию уже на ноябрь 1939 года. Но генералы вермахта уверяли его в том, что их армия ещё недостаточно подготовлена для нападе-

[41] «Боевые кресты» («Огненные кресты») – французская военизированная националистическая организация.

ния, так как потеряно много техники в Польше, и боеприпасов у немцев оставалось только на 28 дней.

С ноября 1939 года по май 1940 года начался период «странной» или «сидячей войны». Германия, временно приостановив свои военные действия, усиленно готовилась к нападению на Францию. Быстрыми темпами восполнялось и наращивалось количество единиц её военной техники и боеприпасов. Параллельно Гитлер проводил маскировочную дипломатию, вводя в заблуждение англо-французский альянс. Фашисты вели лживую пропаганду о своём якобы дружелюбии к западным странам и желании развивать с ними сотрудничество и добрососедские отношения. По радио передавалась речь Гитлера, полная дружественности к Франции: «Я не воюю с французами. Я не собираюсь нападать», – заверял он.

Французы, со своей стороны, тоже не беспокоили противника, они заняли позицию выжидания. Как и их союзники, англичане, они были уверены в том, что им удастся выйти на компромисс с Германией, минуя открытые военные действия. Французы посчитали, что для этого им вполне достаточно будет экономического и политического давления на Германию.

Выжидание действий противника обернулось для Франции поражением. «Странная война» резко закончилась. 9 апреля 1940 года Германия оккупировала Данию и Норвегию, а 10 мая вторглась в Бельгию и Голландию и начала наступление с северо-востока на Францию. Немцы усиленно бомбили её жизненно важные объекты, в том числе, аэродромы. Гитлер оказался лживым и коварным, а французы – доверчивыми и самонадеянными. У них было глубокое убеждение в превосходстве их обороны над нападением. Они магически верили в свою оборонительную линию Мажино.

Она имела протяжённость около 400 километров и располагалась вдоль восточной границы Франции. Линия представляла собой многоуровневые подземные сооружения, уходящие на глубину до 50 метров. На её строительство ушли, по разным источникам, от 5 до 7 миллиардов франков.

В многоуровневых фортах располагались жилые помещения для личного состава. Солдат из казарм к пушкам, из арсенала в столовую подвозили электропоезда. Линия включала электростанции, вентиляционные установки, узкоколейные железные дороги, телефонные станции, госпитали, подземные кинотеатры, комнаты отдыха с солнечным освещением. В верхних, наземных, этажах располагались, снабженные лифтами, орудийные казематы.

Однако миф о несокрушимости линии Мажино, которую называли щитом Франции, чудом XX века, пал весной 1940 года. Фашисты пробились сквозь густые заросли Арденн, труднопроходимого горного участка длиной 150 километров. Здесь линия Мажино была слабо укреплена, в отличие, например, от её участка на границе Франции с Италией, где все горные проходы надёжно закрывались группами укреплений. Немцы массированным наступлением танковых соединений успешно прошли арденнский участок, несмотря на то, что военные эксперты в один голос уверяли о непроходимости Арденнских гор.

Прорвав французскую линию укреплений, немецкие танковые соединения двинулись в сторону моря, окружили англо-французские части под Дюнкерком. Отрезанными и прижатыми к морю оказались 12 бельгийских, 10 английских и 18 французских дивизий, которые едва успели унести ноги, бросив своё тяжёлое вооружение, боеприпасы, транспорт… Не успели спастись и попали в плен к немцам 15 тысяч французских солдат, стойко защищавших Дюнкерк, прикрывая эвакуирующиеся по морю войска. [42] [43]

6 июня 1940 г. танковые дивизии вермахта двинулись с севера Франции на Париж. А к юго-восточной границе Франции подтянулся Муссолини, союзник Гитлера, долго не всту-

[42] Город на севере Франции.

[43] Известная Дюнкерская эвакуация.

павший в войну с французами, выжидая до тех пор, когда успех немецкого наступления на Францию перестал вызывать сомнение. [44]

10 июня 1940 года Италия объявила войну Франции, «рука, державшая кинжал, нанесла удар в спину соседа», – высказался, узнав об этом, Ф. Рузвельт. Франция вынуждена была на севере оказывать сопротивление немецким войскам, а на юго-востоке отражать нападение итальянской армии. Как не выжидал Муссолини, ввязавшись наконец в войну с французами, он успел крепко получить от них по шапке. Пока велась наступательная операция итальянцев на границе с Францией, в районе Альп, французские лётчики бомбили итальянские города в Силиции и Сардинии. Потери со стороны французов за короткую войну с итальянцами (2 недели, до перемирия Франции с Германией) составили около 40 человек, а со стороны Италии – около 600.

Это какой-то тяжёлый сон

Гитлер наступал. С севера на юг Франции устремились огромные толпы беженцев, заполонив её дороги. Бедные люди, – заложники очумелых политиков! Корреспондент Гордон Уотерфилд писал в 1940 году: «Легко, конечно, рассуждать задним числом, но всё же правительство должно было предвидеть то, что произошло во Франции. Во-первых, поток беженцев из Голландии, Бельгии и Люксембурга, хлынувший во Францию после вторжения немцев, нужно было задержать у французских границ. Во-вторых, ни один француз не должен был сниматься с места без особого разрешения. В-третьих, нужно было немедленно разъяснить населению, что, покидая деревни, оно помогает врагу, так как германские агенты могут заниматься диверсионными актами без всяких помех.

Помимо выслеживания парашютистов, население должно было воздвигать на дорогах баррикады, иметь в запасе битое стекло, чтобы забросать им дороги, если появятся германские мотоциклисты или автомобили. <…> При таком методе борьбы с врагом жители рисковали бы, вероятно, не больше, чем те, кто покинул родные места, но всё же попал под власть немцев».

Беженцы шли неведомо куда, где их никто не ждал, смертельно напуганные фашистским нашествием, периодически обстреливаемые с воздуха вражескими самолётами, косившими всех подряд, в том числе, детей.

Картину с беженцами Сент-Экзюпери отразил в «Военном лётчике». Он наблюдал этот кошмар своими глазами: «В самом деле, куда устремляются все эти беженцы? Они идут на юг, как будто там их ждут кров и пища, как будто там их ожидает гостеприимство. Но ведь там, на юге, есть только битком набитые города, где люди спят в сараях и где запасов продовольствия не хватает. Где даже самые щедрые понемногу ожесточаются из-за бессмысленности этого нашествия, которое мало-помалу, словно поток грязи, поглощает их самих. Не может же одна провинция приютить и прокормить всю Францию! <…> На севере кто-то ударом ноги разворошил муравейник, и муравьи разбредались кто куда. Как подобает трудолюбивым муравьям. Без паники. Без надежды. Без отчаяния. Словно выполняя долг.

– Кто вам велел эвакуироваться?

Приказ всегда исходил от мэра, или от учителя, или от помощника мэра. Ночью, часов около трёх, он внезапно будил всю деревню:

– Эвакуируемся. <…> Как снабдить продовольствием миллионы беженцев, затерянных на дорогах, по которым двигаться можно лишь со скоростью от пяти до двадцати километров в день? Ведь если бы продовольствие даже и существовало, его невозможно было бы подвезти. <…> Уже тысячу лет людям внушают, что женщины и дети должны быть избавлены от войны.

[44] Бенито Муссолини – глава правительства Италии (1922—1945), один из основателей итальянского фашизма. Договор о союзничестве Италии с Германией, «Стальной пакт», был подписан 22 мая 1939 года.

Война – это дело мужчин. Мэры прекрасно знают этот закон, знают его и помощники мэров, и школьные учителя. <…> А враг наступает. И тогда мэры, их помощники и школьные учителя гонят своих подопечных на большую дорогу. Что остается делать? Где правда?…

– Нет ли здесь врача?

– Вы что, не здешние?

– Нет, мы с севера.

– Зачем вам врач?

– Жена вот-вот родит в телеге…

Среди кухонной утвари, среди заполнившего всё железного лома, как на терниях.

– Да разве вы не могли это предвидеть?

– Мы уже четыре дня в дороге.

Дорога – это неумолимый поток. Где остановиться? Поток сметает на своём пути деревни, которые, лопаясь поочерёдно, изливаются в него и наполняют общую сточную канаву.

– Нет, врача здесь нет. Врач авиагруппы за двадцать километров отсюда.

– Ну что ж, ладно…

Человек вытирает пот с лица. Всё рушится. Жена его рожает в телеге, среди кухонной утвари. И во всём этом нет ни капли жестокости. Это, прежде всего, до дикости бесчеловечно. Никто не жалуется, жалобы не имеют никакого смысла. Его жена вот-вот умрёт, а он не жалуется. Ничего не поделаешь. Это какой-то тяжёлый сон».

Историки забудут реальные события

Всеобщая паника людей, которым приказали срочно покинуть свои дома, их страх перед опасностями войны, их бездумный бег в никуда – об этом пишет в своих воспоминаниях и Консуэло, жена Сент-Экзюпери. «Удаляешься от врага, бежишь неизвестно куда, и у тебя возникает ощущение ещё большей опасности. И тут мной тоже овладела паника, которая уже охватила сорок миллионов французов, получивших приказ оставить свои дома, свои родные деревни и бездумно, как животные, из последних сил идти в никуда. <…> В суматохе невозможно было думать о бомбардировках, которые немцы обрушивали на нескончаемый поток людей, хлынувший на поля и дороги Франции.

Каждый считал, что знает, куда идёт, но если бы они дали себе труд задуматься хоть на минуту, они бы тут же и остановились, потому что это иллюзия – верить, будто, перемещаясь, миллионы людей найдут на новом месте еду и кров. Но они продолжали двигаться вперёд, как скот на бойню. Мы слышали вопли раненых во время бомбардировок – немецкие самолёты расстреливали нас практически в упор».

Известный французский публицист Андре Жиро в своей статье «Гамелен», напечатанной в 1941 году в американском журнале «Foreign affairs», задаётся вопросами: «Забудем, что французский генеральный штаб недооценил германскую стратегию, хотя давно уже было известно, что немцы рассчитывают прорваться и предполагают пустить вперёд авиацию и танки… Все же трудно объяснить, почему генеральный штаб опрометчиво отказался от обороны и очертя голову бросился в контратаку? [45]

Почему пренебрегли обороной Мааса – этих исторических «ворот во Францию»? Почему во время передышки между сентябрём 1939 года и маем 1940 года укрепления типа линии Мажино не были продолжены от Монмеди до Северного моря? И почему там не расположили постоянные, специально обученные для этой службы, войска? <…> Почему делались такие недостаточные попытки для освобождения французской и английской армий от многотысячной волны беженцев, которые, в конце концов, парализовали военные передвижения,

[45] Андре Жиро публиковался под псевдонимом Пертинакс.

подобно тому, как лилипуты парализовали гиганта, сковав его мириадами крохотных цепей. Даже самые выдающиеся военные авторитеты едва ли рискнут полностью ответить на такие вопросы».

Многие передовые французы, в их числе и Сент-Экзюпери, связывали поражение Франции с преследованием французской буржуазией своих экономических выгод, со страхом перед большевизмом, массовым рабочим движением, с надеждами сохранить свои классовые привилегии, благодаря гитлеровской оккупации. Представитель богатой французской буржуазии, Шарль Моррас, назвал поражение Франции и гитлеровскую оккупацию «божественным сюрпризом».

Сент-Экзюпери отразил реалистично и честно горькую правду своего времени в «Военном лётчике». Но кому и когда была по душе горькая правда?! Особенно если она связана с многочисленными жертвами соотечественников, если ради собственного благополучия пренебрегли интересами целого народа, отдав его на растерзание врагу. «Какую замечательную схему построят впоследствии историки! Каких только осей они не придумают, лишь бы придать смысл этой каше! Они уцепятся за слова какого-нибудь министра, за решение какого-нибудь генерала, за совещание какой-нибудь комиссии и из этой вереницы призраков создадут исторические беседы, на кого-то возложат ответственность, кого-то объявят весьма дальновидным. <…> Историки забудут реальные события. Они выдумают каких-то здравомыслящих людей, связанных таинственными нитями с миром, в котором всё для них было ясно, способных на глубокие обобщения и на важные выводы по всем правилам картезианской логики».

«Честные» условия перемирия

Гитлер победоносно шёл вперёд, используя в дополнение ко всему своё мощное оружие – пятую колонну. Ниже приведена цитата Гитлера из книги Германа Раушнинга «Говорит Гитлер. Зверь из бездны»: «Мы будем иметь друзей, которые помогут нам во всех вражеских государствах. Мы сумеем заполучить таких друзей. Смятение в умах, противоречивость чувств, нерешительность, паника – вот наше оружие… Через несколько минут Франция, Польша, Австрия, Чехословакия лишатся своих руководителей. Армия останется без генерального штаба. Все политические деятели будут устранены с пути. Возникнет паника, не поддающаяся описанию. Но я к этому времени уже буду иметь прочную связь с людьми, которые сформируют новое правительство, устраивающее меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.